

ЛЕГЕНДЫ **АРБАТА**

Михаил
ВЕЛЛЕР

Михаил Веллер

Легенды Арбата (сборник)

«АСТ»

2009

Веллер М. И.

Легенды Арбата (сборник) / М. И. Веллер — «АСТ», 2009

ISBN 978-5-17-062228-3

Новая книга М. Веллера «Легенды Арбата» – сборник невероятно смешных и головокружительных историй советского и недавнего прошлого. Беспощадная правда и народная мифология образуют блестящий сплав и гремучую смесь. По стилю и манере – продолжение знаменитого национального бестселлера «Легенды Невского проспекта».

ISBN 978-5-17-062228-3

© Веллер М. И., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

В сторону С.С.С.Р.	6
Подвиг разведчика	6
Самолет	12
Пятикнижие	18
На театре	26
1. Графинчик с	26
2. Дер партизанен!	28
3. Кошка	32
Членораздельно	35
В сторону искусства	37
Романс о влюбленных	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил Веллер

Легенды Арбата (сборник)

В Москве есть все, кроме правды.

Власть, ветвистая, как баобаб, пронизывает и охватывает пространство, и в зубчатой тени красного забора причудливые силуэты вступают в дикие комбинации. Правда разбита камуфляжным узором и растворена в хитросплетениях вымысла, подслащая ядовитый столичный настой, которым смазаны богатства и карьеры.

Великий вождь оказывается сатрапом, заботливый хозяин придурком, стабильный лидер пнем, а царь и отец нации пьяницей или проходимцем. Здесь надо умереть, чтобы о тебе сказали правду. И то не факт.

Героев легенд просят не беспокоиться. Образ героя гуляет сам по себе. Слава не стесняется приличиями. В любой момент и по первому требованию сочинитель, гнусный пасквилянт, принимает обратно слова, предложения и абзацы. Взамен сокрушенно приносится равновесное количество извинений. Автор не отвечает за фольклор и не властен над мифом.

Каюсь, лаюсь, отрекаюсь. А она вертится. История корчит гримасы в кривом зеркале заднего вида. Если ты попал в историю – улыбайся: терпеть придется долго.

Истории неведома благодарность, но свойственно отмицение. Не присуща честность, но мил миф. В ней нет справедливости, но скрыт смысл.

По русской традиции читать между строк и разгадывать ребусы власти мы видим то, что нам не показывали, слышим то, чего не говорили, и знаем то, чего не происходило. Так частый бредень тащит из омута тину и мусор – ах, серебряные рыбки проблескивают и бьются в частых ячейках, они тоже попались!

Но что делать с иилом в мешке и с паром в свистке, и с тающими клочьями истории в столичном небе?

Москва – звонят колокола!

В сторону С.С.С.Р.

Подвиг разведчика

Был в советское время анекдот: Брежнев решил инкогнито, а'ля Гарун аль-Рашид, прогуляться по Москве. Ознакомиться наощупь с жизнью вверенного народа. Бродит переодетый: не узнают. Даже обидно. Тут двое встречных переглядываются, быстро спорят о чем-то, один догоняет его и вежливо спрашивает: «Простите, пожалуйста, у вас такое знакомое лицо, вы не можете напомнить вашу фамилию – я ее прекрасно знаю, просто забыл?» Брежнев с удовольствием, стараясь говорить как можно разборчивее, чтоб не вышло «сосиски сраные» вместо

«социалистическое соревнование», называет фамилию. Человек разочарованно кивает и возвращается к напарнику: «Ну, я ж говорил, дерьмо какое-то... а ты – Банионис, Банионис!»

В семидесятом году литовский актер Банионис переживал свой звездный час. После роли Гордона Лонгсдейла в фильме «Мертвый сезон» он стал кумиром публики: обаятельный и непотопляемый советский разведчик, стальной кулак в замшевой перчатке и твидовом пальто, успешный английский бизнесмен и советский патриот. Грузнеющий, седеющий и шутивно добродушный поверх опасной умной жесткости – он выгодно контрастировал с бессмертным диверсантом Павлом Кадочниковым, inferнальным красавцем с ноздрями кокаиниста и голосом истерика. Кстати, по-русски Банионис говорил с акцентом, так в кино его дублировали.

Потом наступила перестройка, стали слегка приоткрывать некоторые не слишком секретные папки в архивах, и страна узнала, что настоящее имя сэра Гордона Лонгсдейла было Конон Молодой. Молодой на том деле сгорел, был, стало быть, отчасти рассекречен, и упоминать о нем уже было можно. В печати появилось несколько очерков. Из одного очерка можно было узнать, что Анатолию Аграновскому не дали опубликовать почти ничего об этом замечательном человеке: хотя легендарный старик-Аграновский реально находился в статусе члена ЦК и был широко известным анонимным автором супербестселлера Брежнева «Малая Земля». Из другого – что другой журналист, многолетний собкор «Известий» в Италии Леонид Колосов сам был разведчиком и учился когда-то в разведшколе вместе с Молодым, а журналистика была его крышей. К сожалению, по прошествии двадцати лет эти публикации забываются; а судьба Конона *(на этом месте дефект микроленки не позволяет восстановить текст)*.

...в тридцатые годы его родители, советские инженеры-коммунисты, несколько лет работали в Германии. Он ходил в обычную немецкую школу и, естественно, к ее окончанию болтал по-немецки как родной. Они вернулись перед Великой Отечественной войной, и в сорок первом вчерашнего школьника с абсолютным немецким и просвеченной анкетой Молодого нормальным путем направили на разведкурсы НКВД. Куда еще с такими данными.

Сколько-то-летнего обучения в тот период, по понятным причинам, не практиковали: разведывательно-диверсионные группы НКВД, официально обозначаемые как партизанские отряды, кидались в немецкий тыл после пары месяцев поспешной и плотной подготовки: стрельба, подрывное дело, работа на ключе и основы конспирологии – пошел! И то он еще поболтался в резерве. И летом сорок второго их выбросили в районе Ровно, где разворачивалось соединение полковника Медведева. Знаменитый был партизанский край.

Десантировались, естественно, ночью. А всей парашютной подготовки было, по причине крайней спешки и нужды, четыре прыжка. Из них ночных – один, с предельно малых высот – один, на лесную местность – ни одного. Нормально. Война.

Они ухнули в свистящую тьму и тут же потеряли друг друга. А как снизу пахнуло теплом близкой земли (метров полста, примета верная, сдвигай ноги) – поздно он дернулся и надел купол на сосну. Ободрался сквозь ветви, стропореза нет... финка при рывке раскрывающегося парашюта вылетела из голенища. Ну, парень он был спортивный, компактного сложения гимнаста, но выпутываться из подвески, подтягиваться по стропам и слезать с дерева пришлось долго. Еще больше времени ушло, чтобы стянуть с ветвей парашют.

Парашют прикопал. Тем временем рассвело. Стал искать своих, заложил круг, куковал и посвистывал. Не нашел. Тоже нормально. Это предусматривалось.

Определился по карте туда-сюда, вещмешок и оружие схоронил в зарослях и затеску сделал. Туда же и сапоги (на всякий случай). И в невинном крестьянском прикиде двинулся в том направлении, где по его понятию предполагалась точка встречи парашютистов партизанами.

Солнышко над деревьями взошло, птички поют, там и лесная тропка обнаружилась, вьется и подошвы колет. Тропка вывела на проселок, проселок выскочил из леса и рассек луга... жрать захотелось. После приземления он, естественно, не ел – какой тут аппетит; все в мешке и осталось.

И тут слышится за взгорком навстречу тарахтенье мотоцикла. В лесу бы спрятался – а здесь куда? Бежать, лечь?.. если заметят – догонят – хуже будет. Сжался и идет. Легенда в голове запустилась, как треснутая пластинка.

Выкатывает из-за поворота «цундап» с коляской, на нем двое немцев с бляхами на груди: фельджандармерия. Тормозят, подзывают:

– Иван, ком цу мир!

Один руку с газа не убирает, другой винтовку из-за плеча наизготовку перетаскивает – боится: год война продолжается, научились.

Он подходит покорно на бедных ножках, и за пять шагов брызгает сиротской слезой, как лейка, что при таком мандраже в перспективе винтовочного прицела нисколько не трудно, тьфу на вашего ненужного Станиславского. И прерываясь всхлипами и шморгами, растапливает каменные сердца балладой про тато, сгинувшего на фронте, мать, угнанную в эвакуацию с колхозным стадом, и старую обезножевшую тетку, к которой он идет вскопать огород и покушать лепешку из лебеды. Немцы фильтруют чуждые звуки – смотрят без понимания:

– Аусвайс?

– Йа-йа, аусвайс! – и лезет во внутренний карман обтерханной телогреечки готовно.

А внешний вид безупречный: славянский подросток, стоящий на лестнице эволюции на следующей ступени после турнепса. Рубашонка ситцевая, штаники залатанные, из обкорнанных волосок лесной мусор торчит. Роба добрая, плосковатая и тупая. И аусвайс. Да... Где аусвайс?.. Во внутреннем кармане нет, и в боковых нет... черт, сука, господи!!! и в потайном с изнанки штанов нет... и за пазухой... Потерял????!!!

Обшаривает себя, хлопывает и трясется крупно. Нет... нету. Потерял, значит, во время этих своих тарзаных прыжков по деревьям.

Он все белеет, и свежие царапины на его лице и руках все отчетливей. И немцы к ним присматриваются, и в воздухе возникает напряжение. Интересуются происхождением царапин, и жестикуляция у них, как на стрельбище. Он сбивается про падение с сарая, они скалятся без понятия и глумятся насчет борьбы русских с медведем.

– Партизан? – догадываются немцы в подтверждение его ужаса.

То есть – влип. По запрещенной статистике, тайком передаваемой изустно, половину групп берут в первые двенадцать часов после приземления. И вероятно, немцы их засекли и сейчас по одному вылавливают.

– Найн! – рыдает он. – Нихт партизан! Камараден!

Обыскивают его брезгливо, дают прикладом по почкам, кидают в коляску и везут. И он болтается на ухабах и пытается вспомнить, о чем говорили на занятиях «Тактика поведения на допросах в полиции и гестапо». А сам как снегом внутри набит – холодное оцепенение и ни одной мысли.

И привозят в село. Въезжают во двор. Во дворе курят жандармы, приветствуют. Типа райотдела милиции. И обмениваются замечаниями, на хрена они этого щенка привезли, будто нельзя было решить вопрос на месте. Немецкий он знает, и от этого знания ему вообще плохо становится.

Пинком и тычком его заправляют в дверь и докладывают, что вот, в заданном квадрате задержали подозрительного без документов. Объяснить толком не может. И выходят.

Никогда не бывает так плохо, чтоб не могло стать еще хуже. Потому что за столом сидит офицер. Это не офицер. Это агитплакат «Рыцари СС», или «Палачи СС», с какой стороны взглянуть. Выкован гитлерюгендом и отшлифован командной кастой. Форма с иголочки, фуражка с высокой тульей выгнута, белесые волоски подстрижены аккуратно, и замшевая перчатка на левой руке. А правой рукой что-то пишет.

Дописывает до точки, откладывает ручку и смотрит на него – холодными, голубыми, льдистыми арийскими глазами смотрит. И выражение в тех глазах пустое и безжалостное.

Будто на муху случайную внимание обратил. И как насквозь светит и пронзает этим своим всевидящим взглядом. И сразу становится понятно, что никакие наивные легенды здесь не проканоют. Как на стекле его этот офицер видит. Такой за сто шагов нюхом чует добычу... Настоящий контрразведчик и палач.

Что называется – прощай родина. Стоит он, кролик перед удавом, и губами беззвучно шевелит – нет звука, не включается.

Удовлетворившись просмотром и утвердившись во мнении, офицер подзывает его вялым жестом и двумя пальцами поворачивает за подбородок. Больно щиплет в прореху штанов:

– Парашютист? Дерево? Цап-цап?

– Господин офицер! я упал! сарай! кусты! там! там! клянусь!

– Партизан?

И тогда из него наперегонки рушатся застрявшие слова вперемешку с соплями, слезами и судорожным иканьем: про сгинувшего отца, угнанную мать, сироту-тетю и аусвайс, который еще утром был вот в этом кармане, но он косил серпом крапиву...

Не слушая, офицер протяжно зевает и прерывает его пренебрежительным жестом, резюмируя результаты допроса:

– Партизан.

Встает и отстегивает клапан помещенной слева от ременной пряжки кобуры.

Последний воздух, дух небесный покидает легкие с беззвучным писком:

– Нихт шиссен, херр офицер... – и, конечно, плывущая в обморок жертва не отдает себе отчета, что при минимальном слухе интонации писка звучат так, как говорят только в Гамбурге и Киле.

Офицер дергает чуть заметно углом узкогубого рта, а дальше следует провал чувств... какая-то механическая сила поднимает за шиворот, душа воротником... Стук и колокол в голове – это его лбом с треском вышибли дверь.

Его устанавливают на крыльце, как шаткое полено... придерживают... А затем возникает странное состояние невесомости, крепко подпертое сзади – словно полет на пушечном ядре! Это... все?! это и есть смерть?... Еще нет. Это его здорове-еннейшим пенделем в зад запустили в воздух – и он летит по дуге в положении на четвереньках. И в этом положении пропахивает носом землю в зарослях крапивы.

Мир возвращается в звуках и оглушительно пульсирует. Это жандармы во дворе хохочут и аплодируют.

А офицер, цепко фиксируя его расплывчатый взор, подчеркнуто медленно раскрывает кобуру и тянет обшарпанный рабочий парабеллум. И, показывая ему стволом повернуться спиной, назидательно поясняет:

– Пу-пу!

Он послушно поворачивается. Ему уже все равно. Полная блокада эмоций. Равнодушие за чертой. Ничто не имеет значения.

За спиной щелкает затвор.

– Пу-пу!

Он покачивается, спотыкается на месте и падает.

– А-га-га-ха-ха! – немцы просто лопаются и подымают от хохота. Работа их такова, что сцена представляется вполне и чудно комичной.

Ствол у офицера в кобуре. Отставив большой палец и вытянув указательный на манер пистолета, он грозит вставшему на четвереньки пленному. Так пугают детей.

– Ваньюшка! – металлическим голосом лает офицер. – Бежать! Шнель!

Чьи-то руки вздергивают его и толкают в распахнутые ворота. И он медленно бежит по инерции, качаясь и не понимая своих движений.

А сзади:

– Партизан капут!

У него материализуется большая нежная спина, а в ней позвоночник, сердце, легкие и почки.

– Партизан – пу-пу!

И тут грохает выстрел.

Наш на секунду замирает, собирая отчет в своих ощущениях. Потом с невероятной силой подпрыгивает и бросается бежать с бешеной заячьей скоростью, пригнувшись и уклоняясь резкими зигзагами, как вдалбливали на занятиях.

Далекий немецкий смех гонит его, как парус.

Солдаты сгибаются пополам и машут руками. Стрелявший в небо офицер застегивает кобуру. Много ли на войне развлечений. Казарменный юмор приводит в ужас гуманистов. Бытие и небытие определяют сознание.

«Пу-пу!!!» – грохочет в ушах.

А оглянуться страшно. Стрекошет и взбивает пыль и стерню.

Ну что. Замученные войной солдаты устроили себе маленькое мимолетное развлечение, невинное, в общем. Фашисты.

И он во весь дух, не помня себя и строча ногами чаще швейной машинки, добежал до леса и, на крыльях избыточного ужаса, как написали бы в романе прежних лет, или в сжигании экстремального выброса адреналина, как предпочли бы написать сейчас, неся еще километра три через лес, задыхаясь и ломясь сквозь заросли, пока не свалился у какого-то ручейка...

...Потом он дышал. Хрипел, свистел, захлебывался и пускал пузыри. Когда перестал трястись, хлынули потоком неконтролируемые бесшумные слезы. Слезы ласкали лицо, и он уплыл в сладкий и мертвый сон. Физиология, стресс.

Проснувшись, долго пил, окуная горячее лицо в прозрачную коричневую воду протоки, стирал мокрые штаны, обмыл изодранные стерней и сбитые дорогой ступни и перемотал оторванными рукавами.

Четыре дня он блуждал, питаясь ягодами. Пока не вышел, наконец, в район медвежьего соединения. Где ему хватило ума эту историю на всякий случай не рассказывать: контакт с врагом, знаете, это всегда требует проверки. А так – ну, заблудился, бывает, дело обычное.

«Вот после этого, – рассказывал он позднее, – я действительно возненавидел фашизм. И мечта об его уничтожении, физической ликвидации врага, стала моей личной мечтой. Я стал фаталистом. Потому что понял – есть у каждого разведчика свой покровитель на небесах. И никогда не надо впадать в панику – еще неизвестно, как в последний момент все обернется. Короче, в боксе главное – хладнокровие!»

Ну, а дальше была обычная военная биография – если кто уцелел: диверсии, переходы, ранение, эвакуация на Большую Землю, еще две заброски, орден Красной Звезды, Отечественной войны 2 степени, медали, еще ранение...

...После войны немецкое направление, понятно, сократилось. Пошло перемещение кадров, кого куда. Он был еще молод, данные хорошие, способен к языкам; отточил свой английский, который учил как иностранный еще в немецкой школе; зарубежные стажировки, работа в Австралии и Штатах, где избавился от простительного по легенде немецкого акцента в английском и заменил его на австралийский, который все забивал; звания, рост по службе; не столько героическая, сколько нервная и слоеная жизнь шпиона со своими нерегулярными радостями и неоднозначными надеждами.

И вот уже разгар холодной войны, и умер Дядя Джо, разменяли Берию, Судоплатов сидит, большие перетасовки в спецслужбах, где было тонко, там и рвется, где толсто – сыплется. Короче, отзывают его из отпуска раньше срока. Мотивировка оригинальности столь же свежей,

как объяснение Каина Авелю: дело срочное, брат, а под рукой никого же больше свободного не оказалось!

У нашего лондонского резидента сгорела связь. И дежурная, и запасная. Связь необходимо срочно восстановить. А обстановка на планете перманентно предгрозовая: Суэцкий конфликт, НАТО, Бомба, стратегический бомбардировщик «Вулкан», Хрущева в Портсмуте чуть не взорвали с крейсером «Орджоникидзе», сами понимаете. Для нас, профессионалов, мира нет.

Ну что. Болгария, смена документов, самолет, Аргентина, смена документов, самолет, Австралия, смена документов, самолет; и уже из Канады он прилетает в Хитроу. Язык, легенда, документы, деньги, время на адаптацию.

В результате всех суперосторожностей он не знает о резиденте ничего. Вообще никаких примет: ни возраст, ни внешность, ни даже пол, не говоря о профессии или месте обитания. И никакого пароля. Известна лишь точка randevu: Риджент-парк, внешняя восточная аллея, четвертая скамейка от Йоркских ворот. И время: седьмое и двадцатое число каждого месяца, двенадцать тридцать пополудни, ни секундой раньше или позже. Все, что ему следует иметь – это оксфордский галстук и перстень с печаткой на среднем пальце правой руки. Случайное совпадение двух примет с местом и временем исключено по теории вероятности: достаточно.

И вот он, среднезатертый австралийский бизнесмен, который пытается открыть в Лондоне филиал своей конторы типа «Рога и копыта кенгуру», снимает гостиницу поближе к Риджент-парку и иногда там гуляет. Англичане блюдут любовь к пешим прогулкам как милую национальную традицию, и парковые аллеи меряют шагами джентльмены и леди всех мастей и калибров, замучишься обращать на себя внимание. А легенда у него надежная, и опасности не выявляется никакой: окопался, проверился, все в порядке.

И он хронометрирует шаги до нужной скамейки, добиваясь идеальной точности.

И двадцатого числа, выверив секундную стрелку по сигналам радио, он идет по заветной аллее. Детишки бегают и крутят велосипеды, клерки на скамейках читают газеты или разминают ноги ходьбой, пока у них перерыв, сонно ползают пенсионеры и опасливо смотрят индусы. Стопроцентный Лондон, одним словом. И никто не подходит и не окликает.

А наш периферийным зрением тестирует проходящих клерков: пиджачки, галстучки, все аккуратно... только аура блеклая. А если это леди? Красотка – или старуха?

Седьмого числа сцена повторяется под копирку. Дети, клерки, старики, индусы.

А. В верную секунду навстречу движется красавец-индус. Он высок и блестящ. Он в оксфордском галстуке, и на пальце у него перстень. Оп! И наш ест его глазами!

Индус ласково улыбается, скромно отводит взгляд и идет мимо.

Стоять? Ждать? Идти? Окликать? Палец не тот!..

А навстречу индусу деловито движется один из гуляющих клерков, хмуроватый такой, средних лет, неприметный, с портфельчиком. Рост средний, внешность неопределенно-средняя, и портфельчик обыкновенный, и потертый костюмчик явно от Маркса и Спенсера. И жалование на его лице написано среднее, и средние на нем же заботы.

Равнодушно и не замечая окружающих, он минует индуса и в своем направлении скользит мимо лица нашего своими водянисто-серенькими английскими глазками. И произносит по-русски:

– Блядь! Так все-таки партизан!

Вот так Конон Молодой второй раз в жизни встретился с полковником Рудольфом Абе-лем.

– У тебя всегда такая тупая рожа? – поинтересовался тот. – Пу-пу!

Самолет

Еще в советскую эпоху у многих граждан были сомнения в своей необходимости человечеству. На излете же эпохи (фанера над Парижем, кровельщик мимо седьмого этажа) они и вовсе убедились, что на фиг никому не нужны. Так возникли два ударных отряда борцов за счастье – коммунисты и капиталисты: одни хотели засветить в глаз всем, а другие решили подгрести под себя все, поняв, что под лежащий камень течет только то, на что в России никогда не хватало, э-э, мест общественного пользования.

И тогда поэты стали разводить курей, инженеры пошли в челноки, учительницы освоили профессии уборщиц и бандерш, старушки-пенсионерки вовсе научились лететь с балконов своих квартир, проданных бандитам, а доктора наук приноровились строчить трусики из тюлевых занавесок. Народ демонстрировал волю к жизни и презрение ко всему остальному, радуя душу водкой из технического спирта и тело автомобилями, украденными во всей Европе. Пошла эпоха первоначального накопления капитала, дикого, как дикое мясо, как посвист разбойничка, как камышовый (бойцовый) кот, который жрет хозяйское во всех смыслах мясо, но не приручается.

На этот красочный праздник жизни свалились с высот науки и научные сотрудники с приличным университетским образованием. Зарплата перестало хватать на анальгин, и голова болела двадцать четыре часа в сутки: пиастры! Пиастры! Пиастры!.. «Я пью за родные пиастры, полей недожатых бензин...» Любители прекрасного сходили с ума. Слабые сосали лапу и другое малосъедобное. Сильные ударили в кринке мускулистыми лапами и стали энергично сбивать финансовую опору для выскакивания из западни.

И вот молодые кандидаты наук в одной обезденежной лаборатории. Молодые львы с дыбом вставшими гривами. Щелкают зубами как волки и одновременно волчьи капканы, куда они угодили. Под этот щелк куются самосильно первые бабки. Падает страна или поднимается, а все равно зарабатывать надо на всем.

А занимаются они вообще ботаникой. Вот такие биологи-энтузиасты. Чарльзы Дарвины плюс технический прогресс. Они лет пять изобретали электроприбор, которому вменено в обязанность улавливать биотоки растений. Прибор готов, а из интересующих науку растений выжило в осыпающемся мозгу только денежное дерево из Страны Дураков. Общим аршином его не измерить.

Они мучаются со злосчастным прибором, не находящем на рынке никакого спроса, как Остап Бендер на базаре со своей астрольбией. Устраивают мозговые штурмы, после которых мозги трещат весь понедельник. Рассылают рекламы во все места вплоть до Пентагона. И наконец – молодые львы! – додумываются.

Они приватизируют помещение института, и очень ловко. И под здание получают ссуду в банке. И фигу дают дирекции института и прочим сотрудникам, и начинают от них скрываться, и не являются по повесткам к следователю. А на полученные деньги они, после циничного торга, арендуют самолет. Знаменитый ныне Ту-154. Тогда они почему-то еще не падали. На самолете монтируют свой прибор. Печатают убойные рекламные буклеты. И рассылают их по долам, весям, селам и колхозам, а также еще не отмершим сельхозотделам райкомов и обкомов. Накручивают бешеные счета на телефонах. И дуют чесом лично вслед за своими зазывами: гипнотизировать и вешать лапшу на уши простодушным пейзамам.

Поскольку они из солидного столичного НИИ, еще не замаранного никакой коммерцией – бедные молодые ученые с галстуками на тонких шеях и талантом в горящих глазах, относятся к ним доверчиво. Тем более что и запрашивают они немного, и экономические выкладки (упаси Боже от неосторожных выражений типа «бизнес-план») сулят неслыханный эффект. Просто подставляй карманы шире, закрома родины!

Они что придумали. Своим прибором замерять сверху уровень всхожести на засеянных полях. Еще, значит, ничего и не сеяли, но уже можно определить биопотенциал, так сказать, почвы. А уж когда засеяли – сразу видно на приборе, чего ждать от семян в почве, как она их, родимая, принимает. А когда ростки проклевываются – еще под землей! – тут уже просто с точностью до семи-восьми процентов определяется будущий урожай.

И не сказать, чтоб врал. Просто смотрели немного вперед. Гарантировали в применении родного прибора то, чего от него, собственно, и мечтали добиться. Плюс схемы, графики, положительные рецензии из Академии сельхознаук и публикации за рубежом. Солидные люди, не аферисты какие-нибудь. И костюмчики дешевые.

Они особенно навалились на хлебный и дикий край Алтай, и ряд председателей колхозов под давлением загипнотизированных райкомов на это дело действительно подписали. Еще не остыла мода на интенсификацию, хозрасчет и ускорение, а самое главное – в райкомах быстро сообразили, как по благим статьям расходов скачать денюжат на свой карман – слово «откат» употреблялось еще только в артиллерии. А колхозники в любом случае перетопчутся. И невыполнение плана будет на кого свалить, вплоть до подачи в суд за нарушение статей контракта. Ученые же полагали, пока суд да дело, пустить подросшие таким образом денюжата в торговый оборот, – приговоренное по суду можно будет вернуть, и еще до фиго себе останется. Вот так поначалу шел процесс, который в результате привел... но не будем забегать.

И лайнер – на малых высотах, на низкоскоростных режимах – стал барражировать над полями. В этой летающей лаборатории сидели предприимчивые молодые ученые и снимали ворохи характеристик со своего прибора. Приводили их в сетки таблиц и вручали председателям колхозов. В таблицы председатели много не вникали, не их председательского ума это было дело, но цифрой «Итого» в правом нижнем углу очень интересовались. И цифра получалась хорошая. Просто лучезарная светилась цифра. Аж настроение поднималось, и в органах рождалось забытое чувство исторического оптимизма. И они угощали ученых выпивкой и закуской, и отливали немного бензина для их личных машин, у кого были еще не проданы машины.

Правда, заходя иногда из любопытства в лайнер, если кто из председателей оказывался в облцентре и находил время зарулить на аэродром, они немного хмурились и подозревали ученых в роскошной и даже развратной жизни. Пахло в лайнере странно.

Это отдельная история. Коммерческого опыта ребятам еще не хватало. Они прежде арендовали самолет, а уже потом подписали контракты – дело затянулось, как обычно и случается. И самолет стал жрать их деньги, вместо того чтоб их привозить. И они придумали, как его использовать.

Они заключили с одной африканской фирмой контракт на доставку кофе в Россию. И стали возить эти тюки, мешки, и контейнеры. Кофе, конечно, пахнет. Но не настолько.

И вот гудит однажды этот борт над черным континентом. Причем высоту он набирал в предельном режиме, потому что рядом были беспокойные районы Анголы и Мозамбика, а там засадить «стрелу» в пролетающий самолет – среднее между национальным спортом и жертвоприношением духам племени. Много ли у африканцев развлечений.

А кресла из самолета давно вынули. За минимальную мзду, и то работа в кредит, на оголодавшем заводе вмиг оборудовали машину под грузовую. Воткнули за кабиной дополнительную переборку – отсек для отдыха и сопровождающих. И сняли пока герметизацию салона, ставшего грузовым – экономим каждую каплю топлива, ребята, денежки на все идут кровные, свои. А кофе воздух не нужен. Он не сливки и не сахар.

Летят они, и вдруг из салона слышна серия ударов. Еще серия. Хлопки такие, очередями. Командир экипажа белеет и кричит:

– Из крупнокалиберного по нам садят! – И норовит свалить машину в противозенитный зигзаг. Он над Африкой, а также Азией не всю жизнь в мирном качестве летал.

Похлопало еще в салоне и перестало. Тихо все.

– Ушли!.. – выдыхают счастливо.

И тут вдруг – ба-бах!

– Зенитка! – кричит командир.

– Ракета! – кричит штурман.

Они в одном экипаже на бомбере летали.

И снова – ба-бах!

Уже ничего не кричат. Только сопровождающий штаны щупает.

Но больше не бахало. И самолет вел себя нормально, и управление не нарушено. И все крестились и мечтали скорей долететь, чтобы выпить.

Перед Москвой снижаются на посадку. Всех любопытство одолевает: что там в салоне? Дыры себе представляют: спорят. Судьба груза уже не очень и волнует: он застрахован, хотя страховку хрен получишь, да ладно сами долетели целы.

Открывают наконец дверь в салон, покачиваются и задыхаются, горло пресекло. И глаза зажмуривают.

Дышать нечем. И ничего не видно. Захлопывают дверь. Переводят дух. Перед дверью бурый дым клубится.

– Горим! – вскрикивает кто-то.

Но гарью не пахнет.

– Кофе пахнет!..

И тогда громогласно вступает мужской хор а'капелла, и исполняет та капелла исключительно матерные слова без грамматических связок.

В коробках был растворимый кофе в вакуум-упаковках. Это были слабые упаковки. Экономичные. Африканские. Исключительной дешевизны, за то и брали. С падением давления эти упаковки в согласии с законами физики стали взрываться. И теперь плотная взвесь кофейной пыли приземлялась внутри самолета на место назначения.

На земле, зарулив на стоянку, долго еще ждали, когда пыль осядет, чтобы сгребать ее лопатами. Насчет переупаковки договорились с соответствующей фирмой прямо по телефону.

Но сгребли с большими потерями. Почему?

Про два сильных ба-баха вспомнили, как только вошли с лопатами. Часть кофе приобрела кондицию резко нетоварную.

Одна из их сотрудниц торговала в это время, пардон, бычьей спермой. Для искусственного осеменения. И слетав раз сопровождающей в кофейный рейс, быстро выяснила, что в Африке этот спецтовар можно приобрести не в пример дешевле. Уж кого они там используют и что из них надаивают, сказать трудно, но дешевизна беспримерная. И она договорилась о покупке двух фляг. Вот эти две фляги им в придачу к кофе и сунули честно, дорожа партнерскими отношениями.

Фляги жестяные. Тридцать литров. Заварены хило. Вот на границе стратосферы они и рванули.

– Кофе растворимый со сливками, – сквозь респиратор цинично прокомментировал кандидат наук с лопатой.

На что второй в том же духе отозвался светски:

– Осеменение коров по французскому методу.

Самолет пылесосили, потом мыли, сушили и снова пылесосили. Но запах остался. Надолго. Вот этот запах и заставлял председателей развратно шевелить ноздрями.

Ноздрями они шевелили, но на результаты все же надеялись.

И результаты превзошли их самые смелые ожидания!!! Ученые сами изумились.

Два слова прозы: об урожайности зерновых. Известны два ее основных уровня. Первый уровень советский (российский): 10–15 центнеров с гектара. Второй уровень – евроамериканский: 47–52 центнеров с гектара. Так вот:

Все нормальные алтайские поля дали в тот год свои 12–13 центнеров пшеницы. Хотя некоторые – до 17. Это – которые наш самолет не замерял своим прибором.

А которые замерял – 37. 40. 42! Да почти мировые нормы!

Впечатление заказчиков можете себе представить. Даже аспирантов резко стали титуловать по имени-отчеству. И завели переговоры о покупке таких приборов. Даже стали собирать складчину на самолет. Ну, им быстро объяснили про звериные законы монополизма и стали колоть на долгосрочные контракты.

– Наука... – потрясенно шептали председатели и провозглашали тосты. Ученые сделали и то открытие, что могут потребить гораздо больше алкоголя, чем описывают медицинские нормы.

Но между собой им незачем было скрывать, что потрясены они гораздо больше, чем подопытные пейзаны. Такого эффекта никто и никак не ожидал.

Все это было замечательно, но как ученых их обескураживало то, что результат не поддавался научному истолкованию. То есть показывать-то прибор что-то показывал, но как он мог влиять на урожайность?! Чтобы вчетверо повышать?!

Однако мигом заложили темы докторских: «Влияние облучения семян зерновых сверхслабым электромагнитным излучением высокой частоты». И тому подобное. В зависимости от расстояния, времени облучения, наклона к почве и толщины почвенного слоя, влажности воздуха, интенсивности солнечной радиации и времени суток.

Параллельно подсчитали экономический эффект в масштабах страны и получили цифру с рядом нулей длиннее, чем очередь за водкой в предпраздничный день.

– Верти дырки для орденов, мужики...

Что ордена! Это Ленинские и Государственные премии. Это проход в Академию. Это нобелевка! Это эпохально.

Жили в праздничном обалдении.

Но научного склада умы продолжали работать. Исследовательская жилка сладко вибрировала в предвкушении интеллектуального оргазма. Стали упорно разбираться.

Теоретическому истолкованию явление не поддавалось. Но поскольку факты – вещь упрямая, то сомневаться не приходилось.

И эксперименты велись по двадцать часов в сутки. Жажда открытия – она жжет, фиг ли ваше хождение по углям, тут дело похитрее.

Набрали ящики разных почв, посеяли семена разных сортов и стали облучать в разных режимах. А контрольные группы – не облучать.

Результат одинаковый. Э?..

Перенесли опыты на землю-матушку. Арендовали теплицы. Облучают. Растет. Что с облучением, что без.

Обратились к генетикам. Показывают, комментируют, руками разводят. Морщат генетики лбы, смотрит в микроскопы, считают на калькуляторах. Ни хрена объяснить не могут.

Обратились к радиофизикам. Физики удивились донельзя. Ознакомились с записями, сходили на делянки. Развели руками.

Но был ведь результат!!! А результат, который нельзя повторить в конкретно заданных условиях – это для науки не результат. Это так... казус. Совпадение. Флуктуация. Игра природы.

Молодые ученые заиклились. Осунулись от ночных бдений. Ночевали в лаборатории на газетах. И искали.

Результат все-таки был настолько явен и потрясающ, что отказаться от поиска, развития, пробивания дела на промышленную основу не было ни сил, ни резонов.

Стали прорабатывать все варианты.

Поехали на Алтай уточнять все подробности: а что видели колхозники? А какие наблюдали аномалии на земле?

И выяснили аномалию!

Выглядела она так:

Едет Ваня на тракторе и думает о том, что в магазин после обеда должны портвейн завезти. А на трудодни он осенью все равно получит «палки», чтобы не сказать циничнее. А ему до ночи удобрения на поля вносить.

Как же он решает вопрос, противоречие как решает между удобрением и портвейном? Он его решает в пользу ближайшей канавы. Он сваливает удобрения в канаву, перекуривает на солнышке и едет занимать очередь за портвейном.

И тут над ним, на малой высоте, растопырив крылья, с ревом ползет небыстро в небе огромный самолет. Нехотя так ползет, будто сейчас за голову зацепит. Уходит, разворачивается и с другой стороны снова ползет. И так второй день.

Ваня естественным порядком интересуется у бригадира, что за хрень гремучая головы поднять не дает? У коровы удои падает, жена жалуется.

Бригадир сам озадачен и спрашивает у председателя. И председатель объясняет, что это теперь с воздуха специально следят, как идет работа. А зачем? А это не вашего ума дело, загадочно говорит председатель. А от начальства никто ничего хорошего отродясь не ждал.

Начинает работать народный телеграф. Времена настали новые, непонятные. Всегда находится умный, который все знает. Старики вспоминают раскулачивание и теплушки в Сибирь. Зазря самолет никто гонять над их головами не будет. Да медленно так летает, да низко как! Высматривают все...

Крестьянин начинает нервничать. КГБ он уважает, а на зону загреметь – пара пустых, вон после войны за три колоска восемь лет паяли. А тут... робя, вредительство ведь впаять можно как пить дать. «Процесс пошел», слышали? А чего такое процесс? Вот именно. Выездной суд – и суши сухари... у-у, суки.

И несколько напуганные колхозники, ну его от греха подальше, начинают работать по прописи агронома. Плуг заглублять на двадцать пять сантиметров? Хрен с тобой, загублю. А вообще ведь это делается: пять сантиметров – и на третьей передаче.

Удобрения равномерно? Черт с ним, не свалю в овраг, внесу... чтоб вы передохли.

Из дозатора чтоб зерно тонкой струйкой? Можно и тонкой. Хотя, конечно, сподручнее раскидать его горками, да и хрен с ним, авось вырастет.

Короче, те поля, над которыми трудолюбиво летал лайнер, были обработаны так, как и требовалось. Все. Ничего больше. Ну, на них и выросло.

Ученые были убиты. Шуточки делов. Премии, миллионы, докторские... О господи, какая перспектива накрылась, трудно себе даже представить. И образом-то каким идиотским, непредсказуемым.

– Вот как работать с этим народом? Только из-под палки, только под автоматом!

– Под бомбардировщиком.

– Социализм плюс авиация над всей страной.

Западный ученый после такого фиаско вероятнее всего сломался бы. Стал курить марихуану, перешел на работу в дорогой частный колледж, завербовался в Океанию пальмы окучивать. Но наши ребята втянулись в процесс выживания, а кто пережил девяностые и поднялся – того уже ничем с ног не собьешь.

Они за время эпопеи очень привыкли к авиации. Сроднились с самолетами, можно сказать. Очень сильные положительные ассоциации выработались. И мозги уже крутились в этом

направлении. Причем большие деньги не состоялись, но прицел на них остался: попробуй забудь о миллионах, которые были уже почти в руке. Плюнули они на ботанику, припомнили, что сельское хозяйство у нас всегда исторически было черной дырой, спели за бутылкой с хохотом: «Первым делом, первым делом – самолеты!» – и двинули с хорошим настроением, молодой наглой деловитостью и какими-никакими заработанными деньгами в авиационный бизнес.

Сельское хозяйство, показавшее такие чудные результаты при работе из-под палки с небес, быстро пришло в повсеместный упадок. Палка с небес, российская авиация, также надолго впала в коматозное состояние. А лаборанты и молодые мэнэсы, заболев воздухом и бизнесом (что-то общее...), в конечном итоге создали объединение фирм «Каскол», скупили акции авиазаводов и КБ, как следствие мерсы и шале в Швейцарии, и стали рулить неслабой частью отечественного авиастроения и авиаторговли. Хрен ли нам ботаника в век информационных технологий.

Пятикнижие

Сейчас уже невозможно вспомнить, чем, собственно, занимался дедушка Калинин. «Все-союзный староста». Похотливый старый козел в большой кепке и с седой бородашкой. Но на мавзолее стоял исправно.

И когда прорубали сквозь Арбат новый проспект от Кремля к правительственным дачам, его наименовали в память Калинина. Возможно, здесь вся трудность была в том, что от ленинской большевистской партии не осталось никого, кроме мартиролога врагов народа. Все они оказались со временем или вредители, или шпионы, или троцкисты, или сталинисты, или уклонисты, или раскольники. Генсек косил поляну широким кругом, и от Ленина до Петра Первого все было голо, и только бездарная реакция на уровне асфальта. А Калинин остался исторически нескомпрометирован. Ну, балерины, ну... Во-первых, от него и при жизни ничего не зависело, и он ничего не делал. Во-вторых, вовремя умер. А стране и власти, как всегда, нужны геройские фигуры в славном прошлом. Чтоб от него обосновать прорастание славного настоящего вместо той хренотени, что намозолила глаза за окном. Правительство всегда работает над изображением альтернативного настоящего, которое должно успокаивать нервозность масс от жизни в реальном настоящем.

К тому времени Москва была сформирована, за пределами Кремля и Красной площади, семью сталинскими высотками. Называть их сталинскими Хрущев запретил, он и так немало пострадал от Сталина, когда тот велел на пьянках высшего круга: «Мыкыта, пляшы!» – и толстый лысенький Хрущев, отдуваясь и брызгая водкой из пор кожи, плясал гопака на глумление соратников. Естественно, после смерти любимого вождя Сталина следовало оплевать, а его советские высотки – переплюнуть. И Калининский проспект было решено сделать парадной дистанцией Советского Союза. Правительственной трассой. Вывеской державы. Чтоб радовало глаз.

Главным архитектором Москвы назначили знаменитого Посохина, лауреата и автора высотки на Восстания, любимого ученика самого великого Щусева, который Мавзолей и усовершенствование Лубянки. Набрали коллектив, разработали Генплан, и тот Генплан утвердили на высочайшем уровне.

И на проспекте, который называется Новым Арбатом, а раньше назывался Калининским, а в описываемый момент еще никак не назывался, повелели возвести ряд современных высотных зданий. Стекло, бетон и взлет в светлое будущее. Указали – побелее и поглубее. Эдакий застенчивый сплав тонкой православной нити с ударным коммунистическим стержнем. Столица социалистического лагеря, оплот трудящегося человечества, город будущего, не хухры-мухры.

Архитекторы засучили рукава; а Никиту Сергеевича Хрущева с его громадьём планов тут поперли на пенсию. Привыкать ли нам к переворотам. Что ни двадцать лет – то новая конституция. Всегда довариваем суп при следующем топоре. Мавр сделал свое дело? Пшел в Мавританию.

Гипропроект потеет с полной отдачей. Подведомственные проектные институты лепят лепту и мечтают ее внести на обещанной конкурсной основе. Главный архитектор придирчиво рассматривает предложения и фильтрует поток пред верховные очи Первого секретаря Московского городского комитета Компартии Советского Союза.

Первый секретарь товарищ Егорычев обозревает с непроницаемым лицом большие цветные рисунки, макет, чертежи, и в немногословной партийной манере роняет:

– Вы что, хотите центру Москвы придать сталинский облик?

Волки от испуга скушали друг друга. Что вы имеете в виду, товарищ Егорычев?..

– Если сняли Хрущева, то можно лепить повсюду этот сталинский (заглядывает в бумажку...) ампир?

А вдоль сияющей перспективы вонзились в небеса изящные башни, и шпили их увенчаны гербами и звездами. Действительно вроде высоток, но вроде как современная модель автомобиля по сравнению с двадцатилетней давности. Так сказать, имперский модерн!

– Демократичнее, товарищи! И в то же время!.. – и партийный руководитель потряс кулаком: общее выражение – прокатный стан, баллистическая ракета, цитадель коммунизма.

Максимум, что могли позволить себе архитекторы – это гмыкать на обратном пути.

Ничто не вдохновляет творческую личность на подвиги лучше, чем провал конкурента. Архитектурная мысль забила копытами, окуталась ржанием и выдала новый проект:

Это был XXI век, но не наш сейчас – а из той дальней перспективы. Мы победили в атомной войне и стали тяжелой супердержавой среди грозной серой пустыни.

– Вы бы уж сразу знак доллара в углу нарисовали, – сказал Егорычев. – Что это за цитадель, понимаешь, империализма? Что это за небоскребы, понимаешь, Уолл-стрита?

То есть подчеркнуто простые бетонные небоскребы ему тоже не приглянулись.

– Как... пастила! – плюнул он, отказавшись от попыток выговорить слово «паралелепипед». – Ну вы сами не видите, что мрачно? Надо же – праздник, веселье людям, жить же лучше становится, чтоб настроение, понимаете!

Его тоже понять можно, оправдывались друг другу прогнанные зодчие. Новое руководство страны, что там за вкусы, что за взгляды... трудная работа наверху! Никита-то поди уж как рад, что вместо расстрела приговорили к пенсии.

Третий проект понравился всем до жути. Это была бесконечная высокая стена с ажурными проемами, стрельчатыми арками и легкими башенками, чуть тронутая вертикальным рельефом. Элементы готики, что-то от лондонского Парламента, ощущение легкости, значимости и истории. То есть просто хотелось на нее смотреть и под ней ходить. А масштаб ее был огромен.

Партия посопела и сказала:

– Тут вам не там. Нашей культуре вот такое не свойственно. Кирха какая-то. Что это у вас за иголки повсюду кверху торчат? Низкопоклонство не выветрилось?

Партия подняла руководящий палец:

– Наш художественный метод – что?

Светски дистанцируясь от угодливости и униженности, творцы:

– Социалистический реализм?..

– Вот именно. А это: партийность, народность и реализм.

И пошли они, солнцем палимы и ветром гонимы, с этим напутствием.

Если унитаз отличается от унисона тем, что в унисон труднее попасть, то искусство угождать и угодить власти царило над прочими музами безраздельно. Одаренные этой божьей искрой всходили на Олимп по головам коллег. Не угадал? – в пропасть его!

То есть труды и дни гениев советской архитектуры напоминали сказку про курочку-рябу, которая какое золотое яйцо ни снеси – все одно серая мышка-норушка... мышь поганая... крыса помойная!.. сука тупая!!!.. смахнет его хвостиком и раскокает вдребезги без понятия.

Советские журналисты говорили о своей профессии: «из дерьма конфетку сделать». Но жизнь советского архитектора была просто издевательством над умственными способностями человека. По стране наладили сеть бетонно-панельных домостроительных комбинатов. Из этих квадратиков с окнами составляли жилища для спартански воспитанного народа. Девиз был: «Без излишеств». Народ радовался, что Никита успел соединить сортир с ванной, но не успел соединить пол с потолком.

Вот из этих панелей можно было архитектурно создавать пятиэтажную коробку с четырьмя подъездами, или семиэтажную с тремя подъездами, или этажей делалось девять; две-

надцать; семнадцать. А число подъездов вообще стали варьировать. Что загадочно: в архитектурные институты был конкурс! Оценивая этот разнузданный пир зодчества, каждый ощущал себя гением с огромной потенцией.

Гении напряглись и оторвались от почвы. Они внесли элементы античной классики, торжественные и одухотворенные при соблюдении человеколюбия. Визуальное ощущение, что государство для человека.

– А это что за колоннады с пандусами? (*Пандусами?..*)

А ведь был неслаб гигантский римский форум во весь размах Арбата! Но ребятам перебежали дорогу две сволочи – Муссолини с Гитлером. Создатели светлого пути с Красной площади на будущую Рублевку опять узнали много горького о себе. О влиянии стиля итальянского фашизма и германского национал-социализма. Те тоже стремились к антично-имперскому монументализму. В отделах культуры партийных органов сидели идеологически грамотные товарищи!

Мудрый народ давно понял начальство: «Поди туда, не знаю куда, подай то, не знаю что». Ну, насчет поди куда – мы знаем. Чтоб вам черт в аду спички подавал.

Разобравшись с гипертонией и язвой, Генплан и Гипропроект приняли за основу Мавзолеев Ленина как идеологическую константу и Елисейские поля как уровень жизнелюбия. Полированный гранит, зеркальные витрины и медные козырьки над подъездами.

– Хорошо, товарищи... но как-то слишком... официально. Какая-то помесь министерства и гостиницы со швейцарским банком и комиссионным магазином! Ну – повеселей, а? Поближе к народу!

– А давайте пустим по фасаду такое гигантское панно: слева – сбор колхозного урожая – а справа пуск Братской ГЭС! – предложил Посохин с каменным лицом. – Яркое такое.

Первые секретарь Егорычев иронию не понял. В государственных делах не шутили. Хрущев себе позволял про кузькину мать – вот его и поперли.

– Нет, – решил он. – Это будет вроде ВДНХ. А у нас другая задача. Seriously! Но радостно.

То есть большевики мучили экспериментами не только рабочих и крестьян, но и творческую интеллигенцию доводили до остоленения.

– В общем работаете в правильном направлении... но попробуйте добавить еще пятнадцать процентов партийности и так двадцать шесть – двадцать семь народности.

В голове у каждого партийного функционера был встроен такой специальный дозатор партийности и народности – вроде солонки с перечницей на все случаи жизни. Вот те хрен редьки не слаще.

Это есть наш последний и решительный бой! Ма-сква! – зво-нят ко-ло-ко-ллла! Красное, золотое, круглое и высокое. Народно-партийный вариант будущего проспекта иллюстрировал русскую сказку: «Кто-кто в тереме живет?!» Кремлевская зубчатка, храм Спаса на Нерли и бронепоезд на запасном пути. Если собор Василия Блаженного вставить в лентопротяжный станок и растянуть на километр в длину, вы получите представление о реакции Партии на новый проект.

– Еще попов в рясах под куполами развесьте! – негодуяще пожелало правительство Москвы в капээсэсном исполнении. – А вы можете не выеживаться?

От стрессов у немолодых людей запускаются болячки. Главный Архитектор, лауреат и академик Посохин от пародонтоза стал сплевывать зубы, как семечки. Под вставной челюстью образовался стоматит. Он держал челюсть в стакане с водой и надевал только перед докладами начальству, с галстуком и лауреатским значком. Форма одежды парадная, при зубах.

– Что это вы на мою челюсть уставились? – спрашивает он неприязненно одного своего молодого архитектора.

– Гениально, Михаил Васильевич! – горячо восклицает тот. – Вот смотрите!

Хватает пластилин и лепит несколько зубов на планшет: с одной стороны пошире и чуть вогнутые, вроде верхних, – а с другой поуже и прямые, вроде нижних. И промежутки между ними в шахматном порядке.

– Поясните! – требует Посохин с обидой.

Пошире – это вроде как книги, источник знаний, а поуже – это как скромные советские небоскребы с читателями и тружениками. А понизу соединить все перемычкой с магазинами и культурными заведениями.

– Допустим... – тянет Посохин.

И взяв за образец и творческий посыл вставную челюсть шефа, растерявшего зубы в борьбе за правое дело, социалистический коллектив ударного труда проектирует здания и трассу. Прикус коммунизма!

Как тогда шутили: первый блин комом, второй парткомом, а третий тюремным сухариком. Семь пар железных башмаков износили, семь железных посохов изжевали, семь железных дверей языками пролизали – и представили царю седьмой вариант архитектурного чуда. И вы знаете – понравилось!

– Здесь уже есть о чем говорить! – одобрил товарищ Егорычев.

– Книги. Стекло. Культура. Легко и современно, – поддержала свита.

– Свой стиль. Прогрессивные материалы. И с новостройками гармонирует.

«Челюсть» – произнес кто-то первым. И – как табличку привинтил. Когда дело дошло до готового Калининского проспекта – его в народе тут же окрестили челюстью. Торчат зубы через один из пародонтозных десен. Но – радостно торчат!

Пока же авторов проекта и макета решили почтить к очередному празднику.

– Вы представьте список наиболее отличившихся товарищей.

И руководство Генплана получает за свои пять двадцатичетырехэтажных книжек, развернутых вдоль Калининского проспекта, награды и премии. Только того молодого, что первый насчет челюсти с зубами шефа придумал, не вписали на награды. Бестактен. Рано ему еще.

Тогда начинается реальная работа. Из городского бюджета выделяются деньги. Направляется техника. Высчитывают плановые задания строительно-монтажным участкам и управлениям. И даже дополнительно повышают квоты по лимиту завозной рабсилы. Плановая экономика!

Н-ну. Теперь необходимо сказать пару слов про товарища Суслова. Это вам не похотливый дедушка-козлик Калинин. Михаил Андреевич был человек серьезный и вдумчивый. Сталинского закала и несокрушимой убежденности в победе мирового коммунизма.

Из себя он был похож на перекрученный саксаул внутри серого костюма. Серый костюм был его фирменный стиль, элитный шик. Все в черном или синем – а идеолог партии в сером. Он знал, что его зовут серым кардиналом: ему льстило. Других слабостей, кроме этого партийного тщеславия, он не имел.

Подчеркнуто аскетичный Суслов поставил дело так, что почести его обременяют, а вот поработать он всегда готов из чувства долга и отсутствия прочих интересов. На всех фотографиях сбоку или сзади. И вскоре все тайные и невидимые нити управления были намотаны на его синие старческие руки в прожилках.

Он сидел на своем посту идеолога партии, как гриф на горной вершине красной звездной кремлевской башни, и взором острее двенадцатикратного морского бинокля проникал деятельность государства.

Он часто болел. Сложением выдавался чахоточным. Грудка узкая, плечики хилые, спинка сутулая, рост высокий: пламенный революционер! Фанатичного темперамента боец. Из больниц не вылезал.

Но иногда он, конечно, вылезал. И вставлял всем идеологических фитилей. Чистый иезуит, и клизму ввинчивал штопором. Бдил, как великий инквизитор.

Итак, он суставчато выполз из кремлевской больницы и на ходу приступил к любимому делу: вгонять в гроб товарищей по партии. Типа: я исстрадался в разлуке. Машет жалом по сторонам. Ну, а как там наша красавица-Москва? А? Не слышу!

Красавица-Москва цветет и пахнет ароматами, Михаил Андреевич. Хотя без вашей отеческой заботы, конечно, всем сиротливо. Но крепимся как коммунисты. Вот – строим Калининский проспект.

Суслов, надо заметить, название не одобрял. Он полагал любые половые связи порочащими истинного арийца. Калинин в его глазах был просто старый кролик с партийной индульгенцией, суетливо сближавшийся с любым грызуном противоположного пола.

– Я обязан ознакомиться с проектом застройки, – негромко и самопожертвенно известил Суслов. Долг и партийная дисциплина изнурили его, но благо державы требовало не роптать.

Тихий нрав Суслова знали. Сталинская выучка. Назавтра в его кабинете вмиг составили макет всей стройки от Бульварного кольца до Садового.

Михаил Андреевич утомленно наслаждался игрушечной городской красотой на огромном столе для заседаний. Потом он перекрутился в костюме, будто с вечера его завязали на узел, а утром забыли развязать. Лицо его стало терять цвет и выражение. Сталью из глаз он продрал строй проектировщиков как метлой, сдирая с костей мясо и обнажая преступную суть.

– Кто это сделал? – тихим ровным голосом поинтересовался он. Кровавый призрак занял почетное место. Кто это сделал, лорды?

Посохин набрал воздуха, выдвинул грудь впереди шеренги, показал меж губ зубной протез и признался в авторстве. Хотя мы все, Михаил Андреевич.

– Вы еврей? – спросил Суслов.

Подобный вопрос, в прямой форме и на высшем уровне, звучал тогда обвинением в государственной измене. В сущности, порядочный человек не имел права быть евреем. Тайным сионистом и потенциальным перебежчиком из первой в мире страны победившего социализма; с непредсказуемыми родственниками в неслыханных странах.

– Никак нет, – по-военному четко отрекся Главный Архитектор. – Я русский, Михаил Андреевич. – И всем существом жажда подтвердить этот факт, придал лицу уставное выражение: преданной и радостной придурковатости.

– Тогда вам не могла прийти в голову идея этого проекта, Михаил Васильевич, – ровным угасающим тоном инквизитора, начавшего пытку, констатировал Суслов.

Архитектор восстановил в памяти зарождение идеи и побелел. Рентгеновская проникаемость руководства парализовала его волю. Но отступление было невозможно.

– Авторство мое... воплощение коллективное... – капнул каплю оскорбленности в бочку преданности Посохин.

– С коллективом мы еще разберемся, – мягко пообещал Суслов и стал думать.

– Кто из ваших родственников еврей? – спросил он.

– Жена... вторая... – упавшим голосом сказал архитектор.

– Вторая? – поднял бровь Суслов. – А всего их у вас сколько?

– Первая умерла... Она была русская.

– Я ее понимаю, – скорбно сказал Суслов, и это прозвучало так, что вторая жена уморила первую с целью занять ее место.

– Вот! – подытожил он.

– Я не понимаю... – прошептал архитектор.

– Подпал под влияние, – пояснил Суслов. – Вы любите вашу жену?

– Э-э-э... как все... – выбрал соглашательскую линию архитектор, вертясь в ожиданиях напасти.

– Как все не бывает, – ровно и безжизненно, как танк во сне, наезжал Суслов. – Некоторые от своих жен отрекались. И такое бывало.

Дело врачей-убийц и безродных космополитов гремело не так уж и давно. Архитектор подернулся бело-голубым камуфляжем на фоне своего макета.

– Посмотрите, – указал Суслов. – Эти здания – что они по форме напоминают?

– Книгу. Раскрытую книгу. Немного... возможно... напоминают... нам...

– Да. Именно. Я согласен с вами. А все вместе, взятые рядом, что они напоминают?

Молчание было знаком согласия, поддержки и восхищения любой трактовкой верховного идеолога. Проектировщики от преданности аж рыли ковер каблуками. Вы член Политбюро, Партия – вот наш ум, и честь, и совесть.

– Ну?

– Библиотеку? – неуверенно сказал главный архитектор.

– Стаю птиц... – предположил генеральный директор.

– Путь по предначертанной программе в светлое будущее, – продекламировал главный инженер, лучше коллег владевший новоязом.

Суслов устало прикрыл глаза тонкими складчатыми веками, как старый гриф, пообедавший старым индюком.

– Сколько – у вас – здесь – книг? – спросил он, не открывая глаз.

– Ну, пять... – сказали все, бессильно чуя подвох.

– Разъяснения нужны? – спросил Суслов.

– Э-э-э... мнэ-э... – извивались все.

– Как – называется – это!! – рассердился Суслов, обводя жестом макет.

– Калининский проспект?

– Вы ошибаетесь, товарищи. Коммунист и атеист Михаил Иванович Калинин не может иметь отношения к вашему творчеству. То, что вы здесь изобразили, называется «Пятикнижие».

Недоумение сложило мозги присутствующих в кукиш. Коммунисты и атеисты силились понять смысл загадочного прорицания верховного жреца.

– Что такое Пятикнижие? – допросил экзаменатор.

– Э-э-э... мнэ-э...

– Ме! Бе! А по-русски!

– Пять томов «Капитала» Маркса? – просветлел главный архитектор.

– Пятикнижие – это священная книга сионизма, – ледяным тоном открыл Суслов, и авторы посинели от ужаса. – Пятикнижие – это учение об иудейской власти над миром. Пятикнижие – это символ буржуазного национализма, религиозности, идеализма, реакционности и мракобесия. Пятикнижие – это знак власти ортодоксальных раввинов над всеми народами земли.

Авторы втянулись внутрь себя, как черепахи. В их контурах засквозило что-то прозрачное. Они стремились слиться с окружающей средой, задрать лапки и притвориться дохлыми.

– Спасибо за облик Москвы, товарищи, – поблагодарил Суслов. В зал пустили газ «Циклон-Б», и потолок обрушился, прищемив когтистую лапу мировой закулисы.

Незадолго до этого журналу «Юность» приказали заменить шестиконечные типографские звездочки в тексте – на пятиконечные! за политическую халатность главному редактору отвесили пилюлей и строго предупредили с занесением в учетную карточку насчет идеологической диверсии.

– Я. Вспомнил. Товарищ. Суслов. – Покаянно выпадают слова из главархитектора.

– Фью-фью? – свистит ноздрей инквизитор.

Иногда ученик предает учителя, иногда учитель предает ученика, иногда кто кого опередит.

– Это... один из моих помощников... Он... я поручил некоторые детали... черты, так сказать. И он – вот! Предложил... именно пять!.. а я... мы... Утерjali бдительность! Товарищ Суслов! Ваше гениальное видение обстановки!

– Фамилия? – удовлетворенно переспросил Суслов.

– Дубровский!

– Н-ну-с. Ладно. Давайте сюда вашего этого. Если можно, пусть там поторопится. А мы здесь подождем!

Можно! Можно, Михаил Андреевич! Поторопятся, не сомневайтесь!

И перепуганного молодого, архитектора-стоматолога в обнимку с его идеей, швыряют в машину и под сиреной мчат по Москве быстрее последней мысли.

– Ваши товарищи и коллеги утверждают, что автор идеи этого проекта – вы, – доброжелательно обращается к нему Суслов. И строй товарищей дружно кивает: «Он-он».

Охреневший от этой доставки в Политбюро самовывозом, молодой неверно истолковывает альтруизм коллег. Его озаряет, что сегодня в мире победила справедливость. И его талант будет вознагражден непосредственно здесь и сейчас. Его отметят, поощрят и выдвинут, не обходя больше.

– Как ваше имя-отчество, товарищ Дубровский? – интересуется Суслов с сочувствием и садизмом.

– Мое?... Давид Израилевич.

Суслов вздохнул:

– Как это у Пушкина? «Спокойно, Маша, я Дубровский Давид Израилевич».

Все готовно посмеялись высочайшей шутке, доставшей бедного Дубровского еще в пятом классе.

– Итак, Дубровский Давид Израилевич, это вы придумали поставить пять книг? – зловеще мурлычет черный человек в сером костюме.

– Товарищи тоже принимали участие в работе, – благородно говорит автор.

– Товарищи тоже получают то, что они заслужили. Кстати. Какими наградами и поощрениями вы были отмечены за этот проект?

– Н-н... Д-д... Никакими.

– О? Гм. (То есть идея ваша – пряники наши. Коллектив, значит, использовал вашу идею и пожинал лавры, а про вас вспомнили, когда пришло время получать розги?)

Строй архитекторов скульптурно застыл с незрячим выражением.

– В синагогу часто ходите?

– Ва-ва-вы... вообще не хожу.

– Отчего же?

– Я комсомолец!.. бывший. Атеист.

– Похвально. Почему не в партии?

– Ты-ты-ты... так разнарядка на интеллигенцию.

– А в рядах рабочего класса трудиться не приходилось?

– П-п-п... пока нет... но я готов... если Партия прикажет...

– Похвально. А почему же книг именно пять, Давид Израилевич?

– Сы-сы-сы... столько влезло.

– Влезло?! Столько?! Ты все суешь сколько влезет? А пореже?! А по роже?! А сосчитать?!

А чаще – нельзя????!! Па-че-му пять!!!

– Ах... ах... ах... можно изменить!.. если надо!..

– Почему – ты – поставил – мне – в Москве – пятикнижие!!! А???

Под полной блокадой мозга архитектор выпалил:

– У Михаила Васильевича пять зубов в верхней челюсти!

Суслов вытаращил глаза:

– Под дурака косишь? Психиатра позвать?
– Челюсть! В стакане! Я увидел! И машинально! – горячечно причитал архитектор.
– Пародонтоз! Стоматит! Возраст! Михаил Андреевич! – с точностью попал в унисон подчиненному Посохин, клацая и трясясь.

– Да вы все что – сумасшедшие?
– Пусть достанет! Пусть достанет! Пусть покажет!
– Да! Я покажу! Я покажу!

Суслов растерялся. Посохин вытащил вставную челюсть. Все дважды досчитали до пяти по наглядному пособию. Дубровский развел руками. Посохин неправильно истолковал движение сусловского пальца и опустил челюсть в свой стакан с минеральной водой. Все были на искусственном дыхании.

Суслов пришел в себя первый.

– Еще что вы собираетесь достать и мне тут продемонстрировать? – поинтересовался он. – Михаил Васильевич, вставьте вашу запчасть на место.

Дубровский взмахами рук пытался передать эпопею творческой мысли.

– Прекратите изображать ветряную мельницу, постойте спокойно.

Выведя из строя руководство Генплана Москвы и отправив его восвояси принимать лекарства, Суслов занялся Московским Горкомом. При нем городским властям и в страшном сне не пришло бы в голову называть себя «правительством Москвы». Новые либеральные времена не предсказывали даже фантасты. Услышав оборот «правительство Москвы» при живом государстве с вменяемым правительством во главе, бдительный и принципиальный Суслов не успокоился бы до тех пор, пока городское руководство не было распределено поровну между золотодобытчиками Колымы и лесозаготовителями Коми.

– Товарищ Егорычев, по каким местам Арбата намечено проложить новый проспект?

На доклад ходили подготовленными полностью.

– Малая Молчановка, Большая Молчановка, Собачья Площадка.

– Странная подоплека. Интересный контекст. Вот такая девичья фамилия правительственной трассы. Это намек?

Осознавая начало экзекуции, товарищ Егорычев профессионально одеревенел.

– А как вам эти книжечки? – Суслов щедро указал на макет.

– Мы с товарищами предварительно одобрили... коллегиально. Есть протокол.

– Протокол – это хорошо. Думаю, это не последний ваш протокол. Кстати, про протоколы сионских мудрецов никогда не слышали? Сейчас я вам кое-что разъясню.

После разъяснения товарища Егорычева хватил инфаркт, а после инфаркта его отправили на пенсию. А первым секретарем Горкома стал товарищ Гришин.

Главный архитектор оперировался по поводу обострения язвы желудка, Генплан месяц пребывал в состоянии инвалидности разных степеней.

– Мы одобрили ваш проект, – убил всех Суслов. – Красиво, современно, экономично: молодцы. Ставим на Калининском четыре «книжки». Этого достаточно. Вы согласны, товарищи?... А деньги, уже отведенные бюджетом на пятую... пятое, пойдут на высотное здание СЭВ: потребность в нем давно назрела. Его следует отнести в сторону, изменить, сделать повыше... – Изрекая соломоново решение, он жег мудростью.

И лег обратно в больницу восстанавливать растраченное здоровье.

Дубровского поощрили премией и уволили по сокращению.

А там, где Арбат выходит к Москва-реке, в рекордные сроки возвели 31-этажное книжно-крылатое здание Совет Экономической Взаимопомощи братских соц. стран, в котором ныне трудится не разгибаясь на наше благо мэрия Москвы.

На театре

Кино прикончило театр. Первый луч кинопроектора был как блеск бритвы, перехватившей горло великому и древнему искусству. Зачем переться в душный зал, если можно в звездном исполнении и грандиозном антураже с достоверностью рассмотреть то же самое? Держась в темноте за руки и жуя ириски. Кино отобрало у театра всё: героев, интригу, страсти, развлечение и философию. Добавив от себя крупные планы, безумные трюки и красочный монтаж.

Н-ну, затем пришло телевидение, и старый благородный театр был отмщен. И хорошо отмщен, мой добрый друг! Зачем переться в темный зал, если так удобно дома, на диване, с пивом и закуской, смотреть то же самое? Обсуждение по ходу, сигаретная затяжка и рекламная пауза сходить в туалет.

И вползла, и вкралась ласковая гнусь народных сериалов и реалити-шоу, порноинтернет цинично обнажил свои права на выбор пользователя, и прежде стеснявшееся быдло с достоинством и превосходством оглянулось на нервных эстетов. Сетевые форумы стерли умственную грань между человеком и чебурашкой.

– Ничто не заменит человеку живого общения с живыми людьми на сцене! – горько и гордо декларируют и декламируют театралы, преданные и приданные своему искусству вопреки сытой логике жизни и инстинкту самосохранения, как гонимые христиане были преданы своей секте. Или расчет придан сломанной пушке.

И они правы. Та дрожь сердца, те протуберанцы бытия, которые выбрасывает актер в затаивший дыхание зал... милые мои, за углом кризис, за поворотом инфляция, наверху жулики, впереди кладбище, а кровные деньги застряли в банке, как рыба кость в заднем проходе, мы любим искусство, но какой на хрен театр?

И вместе с героикой старого театра скрываются в дымке времен те очаровательные мелочи живого общения, которые придавали ему неповторимую, ибо непреднамеренную, прелесть.

1. Графинчик с

В те времена очаровательный рослый мальчик Ваня Ургант еще не рекламировал молочный напиток от запоров, а был анализом из женской консультации. (Гм. Как долговат бывает путь в искусство. Нет; лучше так:) В те дни, когда Андрей Ургант, его папа, не только еще не похудел, но напротив, еще не собирался толстеть и был естественно стройным и сверхъестественно выпивающим молодым человеком... но изображенный им крик горьковского Буревестника над равниной перестройки (А-А-А-А-А-А!!!!!!) все-таки не совсем театральное искусство. А мы о театре. Суть.

Когда их мама и бабушка Нина Ургант, прославленная после «Белорусского вокзала», играла в ленинградском театре Ленсовета, короче, ну так она уже тогда пила. Хотя совсем не за это мы любили ее. Милые причуды гениев лишь добавляют зрителям умиленной любви к их человеческим слабостям и порокам.

И была в одном спектакле такая сцена. Ведя диалог, она наливает себе рюмку водки и лихо хлопает. Чем подчеркивается неприкаянность героини и добавляется скромного обаяния ее стойкому характеру. Вот такое сценическое решение.

В графинчике была, естественно, вода. И Нина Ургант отработанным жестом пьяницы закидывала в себя эту рюмку воды. Тихо выдыхала и с повлажневшими глазами подавала свою реплику. И залу сразу понятен ее задорный характер и беззащитная душа. Очень она выразительно эту рюмку махала. Система Станиславского.

Вы уже все поняли. Это должно было случиться раньше или позже. Добрые коллеги устали сдерживаться и налили в графинчик реальной водки. И не хочется, да нельзя упускать такой случай! И радостный актерский коллектив столпился за кулисами наблюдать поединок Мельпомены с Бахусом.

Им это казалось остроумным. Вообще голова актеру нужна, чтобы придавать выражение лицу и резонировать голосу.

Итак: сцена. Стол. Графин. Нина подносит рюмку к губам. Партнер замер и впился в нее глазами, как Цезарь Борджиа, следящий, как приглашенный кардинал сует в рот отравленный персик.

Нина бросила содержимое рюмки в пищевод и деликатно выдохнула. И с некоторым недоверием продолжала слушать обращенные к ней речи. Лицо ее выразило сомнение. Глаза поглубели. Поглубевший взор искал точку опоры в окружающем пространстве. Пока не остановился на знакомом графинчике.

Кивая фразам героя в такт собственным мыслям, она плеснула еще рюмку и выцедила подробно. Это было так точно, что в зале прошелестел аплодисмент.

Речь ее оживилась иронической интонацией. Она повеселела. Реплики о своей нескладной жизни она подавала с бесшабашной удалью, бравируя несчастьем и не ожидая сочувствия. Треснула третью и смачно занюхала носовым платочком.

С язвительностью неизъяснимой Нина спросила:

– Не выпьете ли и вы с одинокой женщиной?

Мыча и блея от слабой мужественности, враг ее извивался:

– Э-э-э... но здесь только одна рюмка. Хотя... охотно!

– Впрочем, мне и самой не хватит... простите!

Зал грянул. Графинчик был поллитровый. Или больше.

С мрачной боевой улыбкой недавняя жертва двинулась на несостоявшегося покровителя. Мужчина сбился с ритма. Психологическая партитура роли потрясла знатоков. В поединке характеров обозначился перелом!

– Вам не идет пить! – останавливал ее циничный жуир, предлагавший только что себя в покровители.

– Да? – легко продолжала Нина свое занятие. – А кто пытался спаивать меня в кабаках? Ваше здоровье!

Беззащитная женщина демонстрировала нравственное превосходство. Она была бедна, обречена, одинока – но дух ее был неукротим. Каблуки стучали, влага булькала, голос звенел.

Напиваюсь, но не сдаюсь!

За кулисами давно перестали хихикать и выставляли вверх большой палец, как требование жизни несгибаемому гладиатору! Почему-то возникло такое представление, что Нина Ургант, чтобы показать шутникам свое превосходство над их хилым скудоумием, должна выпить весь графинчик. Держали пари.

Без закуски и без запивки. Ведя сцену, легко и непринужденно.

– П-почему вы не принесли торт? – издевалась Нина над партнером. – Кс-статистика – вы обещали шампанское!..

– Магазин уже закрылся... – неумело оправдывался тот. Он стоял теперь на отбое вопросов, как манекен с теннисной ракеткой.

Спектакль сошел с рельс и замолотил сквозь алкогольную кактусовую чашу.

К концу зал видел элегантно и в лоск напившуюся женщину. Поворачиваясь, она споткнулась и упала на руки героя. Занавес покрыл чувственное объятие. Публика неистовствовала в овации. Коллеги приняли победительницу на руки. Труп Гамлета четыре капитана отнесли в гримуборную.

...Закон парных случаев срабатывает неукоснительно. Через пару недель в том же спектакле заело постельную сцену. Нина с героем падали на кровать. Это было верхом советской смелости и откровенности. Потом гас свет.

Ну, обнялись, упали. Лежат. Отчасти друг на друге. А свет не гаснет. И занавес поднят. Зал затаил дыханье. Ну?..

Влюбленные начинают накрываться одеялом. Залезли. Свет горит!

Начинают изображать легкую возню. Грань приличий нарушена непоправимо. Зал вытянул шеи и привстал.

Свет горит! Это осветитель и машинист сцены отвлеклись за выпивкой у пожарника.

– Снимите туфли, черт возьми! – раздается язвительный голос Нины. – Вы всегда ложитесь в постель обутым?

Из-под одеяла вылетают туфли.

– Вы так и собираетесь спать в галстук?

Вылетает галстук.

Эротическая тональность непоправимо переходит в юмористическую. Все ждут вылета интимных предметов одежды. Свет горит!

– Вы не хотите погасить свет? – интересуется Нина.

Хохот в зале.

– Может, хоть занавеску задернете? Или вы хотите, чтоб нас видели все соседи напротив?

Зал хохочет стоя.

– У меня выключатель, кажется, сломался, – отвечает, наконец, влюбленный.

– Так какого черта вы приводите девушку в гости на ночь глядя, если у вас свет не выключается? – Нина вылезает из постели. – Хоть ванная у вас есть? Мне нужно почистить зубы.

И уходит за кулисы убивать осветителя.

2. Дер партизанен!

Кремлевский Дворец Съездов был возведен во времена исторического оптимизма советского народа. Хрущев отменил культ личности, Гагарин полетел в космос, Братская ГЭС дала первый ток, который медленно пошел по проводам.

А чудный сувенир «На память делегатам XXII Съезда КПСС»! Была расхожая игрушка: гаражик размером со спичечный коробок, нажимаешь кнопку – дверцы распахиваются, и вылетает маленький автомобильчик, вытолкнутый пружинкой. Так вот: маленький Мавзолей, нажимаешь кнопку – и оттуда вылетает наружу Сталин.

Потом и Хрущева по лысине, все вообще радовались небывалой свободе. Народный Юморист Райкин программу представлял: «Партия учит нас, что при нагревании газы расширяются!» Народ в атасе: храбро и круто, это – сатира!

Вот верхом советского либерализма был 1967 год. То есть либерализм уже кончился, но этого еще никто не понял, и настроение по инерции было хорошее. Цвели и пахли надежда и вера в светлое будущее мирового коммунизма: типа гибрид новогодней елки и павлиньего хвоста, и там много еды, одежды и бесплатных квартир.

Это был год 50-летия Великой Октябрьской Социалистической Революции. И его готовились праздновать как самое грандиозное торжество во всей Советской истории. А собственно, и мировой. Юные Кобзон и Лещенко вдохновенно пели: «Будет людям счастье, счастье на века – у Советской Власти сила велика!»

А во Дворце Съездов шло супердейство: «Великому Октябрю – пятнадцать декад национального искусства пятнадцати братских советских республик!» И республики прогибались и пыжились счастьем будьте спокойны. Каждый вечер там ликовал или концерт национального искусства, или национальный спектакль, или еще какая-либо непереносимая хренотень, по

самое немогу накачанная национальным восторгом расцветшего искусства. Плясуны выкаблучивали, хористки вскрикивали, музыканты лязгали, граждане выключали телевизоры и шли чистить зубы перед сном.

У белорусов с национальным самосознанием было плохо. Белорусы себя от русских не различали. Это ощущалось как одно и то же. Белорусский и великорусский как две почти адекватные разновидности одного и того же русского народа. Условно-административная национальность. И над белорусской культурой мягко издевались оба брата по расе. Был ансамбль «Песняры», и его все любили. А над косноязычным воляпюком официальных «савецких бяларуских паэтов» издевались. Какой смысл говорить на белорусском диалекте, если великорусский литературный богаче и развитее? Таким образом, белорусские спектакли на московской сцене шли на русском языке. Как, впрочем, узбекские, молдавские и грузинские. И ведь без акцента говорили, собаки! Все, кроме грузин. Этих за акцент больше любили.

Итак, октябрь уж наступил. Великий Октябрь наступал

7 Ноября. Близко. Белорусская Декада. Минский Государственный Драматический театр. Имени или Янки Купалы, или Якуба Колоса, или Кондрата Крапивы, что одно и то же. Пьеса лауреата Государственной премии вылизанной степени Горлозаднюка «Это было в Могилеве».

А что там такого в Могилеве было, кроме разве что родившегося мальчика Израиля Берлина, написавшего позднее американский второй гимн «Америка, Америка». Картошка и партизаны. Картошку сажали и ели, партизан прятали и вешали. Белоруссия: чем богаты – тем и рады. А Америка была нашим злейшим врагом, и до нее мы рассчитывали добраться позднее.

А телевизионных программ в те времена было две. И никаких видеозаписей, примитивный и честный прямой эфир. Новости с полей КПСС и немного о балете. Заграничное кино казали раз в год. Голодные граждане иногда аж сетку настройки смотрели. Так что спектакль про войну белорусских партизан с немецкими захочниками принимали как триллер. Страна сидит: смотрит!

И первым делом видит над сценой огромный и жуткий плакат:

СЛАВА ВЯЛИКОМУ КАСТРЫЧНИКУ!

Сначала берет оторопь, сопровождаемая негативной эмоцией внизу организма. Возникают евнухи-правители восточных сатрапий. Потом блещет дикая мысль о сценографическом сюрреализме: кастрычник – это Гитлер, в смысле фашизм всех кастрирует. Далее, как плакал поэт, осыпает мозги алкоголь: плакат-то украшен революционной символикой... неужели ЛЕНИН... кастрат?! бездетный... Особенности белорусской культуры?... что за прославление изуверства...

Самым психически стойким и лингвистически культурным удалось идентифицировать этот шокинг от слова «костровой», то бишь октябрь по-белорусски. Странно, что этот фонетический антисоветизм не преследовался КГБ. Выразительный язык, и подходит к случаю! Настроение перед спектаклем безусловно создано.

Ясное дело, технически передовые немцы последовательно морят советских людей всеми способами. Партизан с утонченным садизмом сажают в тюрьму, чтоб дольше мучить перед казнью. От мучений партизаны возбуждаются и впадают в парфос: произносят монологи о победе и счастье народа. Духовно сломленный враг бессильно кричит: «Без вещей на выход!» Сейчас мы вас будем немножко пу-пу, большевистская сволочь.

...В Средние века публичная казнь была общегородским праздником и бесплатным массовым развлечением. Семьями шли с утра занимать лучшие места, с детишками и беременными женами. В наше время это показывают только в кино. Но рейтинг по-прежнему высокий.

Итак, страна приникла к телевизорам в едином порыве. Предвкушает публичную казнь партизан на сцене Кремлевского Дворца Съездов. В вечерний прайм-тайм.

Уже стучит прусским шагом офицер-надзиратель, бренчит в замках огромной связкой ключей. Партизаны в камере обнимаются и поют «Интернационал».

Но раньше, чем вывести их вешать, в тюрьме надо починить водопровод. Порядок должен быть во всем. Водопроводчика вызывали? С пролетарской развязностью заходит сантехник, маша разводным ключом и цепляясь брезентовой сумкой. Русский, значит, либо белорус.

После войны таким сантехникам полагалась десятка Колымы за сотрудничество с оккупантами. Поровну с реальными полициями. Но этого в театрах не показывали.

Вид сантехника вызывает оживление в аудитории. До боли родная фигура. Замучишься, пока дозовешься. «Треху дали», – явственно раздается в зале. «При немцах-то зайчиком прибегал!»

А это, повторяем, эпоха сплошного прямого эфира. Кривого тогда не было. Видеомагнитофоны еще не изобрели. Так что хоть хреновый был эфир – но прямой. Хоть ложь – да по-честному.

Итак, надзиратель сопровождает сантехника до крана и унитаза. Тот произносит профессиональное заклинание: «Прокладка сносилась! Сливной клапан отрегулировать». Лезет в сумку и достает пистолет! И принимает карательную позу.

И то сказать – пойдет советский сантехник-патриот фашистам сортиры чистить. Советский сантехник – это младший брат Штирлица, и каждый, кто гадит в унитаз – его смертельный политический враг. Короче, пистолет сантехника-подпольщика задает ассоциации зрителям. В рядах прыгают реплики: «Прокладок нет!», «Доплатить надо!» или «Я т-те покажу мой сортир марать, фашист!» Удивительно чуткая техника стояла в Кремле.

Пистолетик откровенно стартовый. И сантехник буквально терроризирует им надзирателя. Сует ему ствол в нос, тянется за связкой ключей, и явно намерен освободить партизан.

– Не стреляйт! – трусливо молит надзиратель, поднимает руки и падает на колени.

– Мараться об тебя... – презрительно и гуманно молвит сантехник, и отворачивается со связкой ключей к двери камеры.

Недобитый фашист тянет из кобуры парабеллум и норовит предательски убить героя. Сантехник разворачивается со своим пистолетом к надзирателю и целится:

– Сдохни, гад!

– Не надо! – роняет парабеллум надзиратель и простирает руки.

– Именем народа! – деловито объясняет сантехник.

Камера дает крупный план. Мужественное лицо сантехника, твердо очерченный рот. Рука жмет спуск пистолета!

И совершенно ничего не происходит.

А камера крупно дает его руку – явно так положено по видеосценарию, и режиссер на пульте эту камеру дает в эфир.

И сантехник с героическим лицом жмет пистолет, как эспандер. И еще раз.

– Не стреляйт, – с восторгом произносят в зале.

Партизанское лицо сантехника из героически-мсти-тельного делается глупым и растерянным. Одновременно гнусное лицо надзирателя из трусливого становится озабоченным и сочувственным.

Сантехник смотрит на пистолет, как ворона на кусочек сыра. Гипнотизирует. Гримаса убийцы перекашивает его, он давит так, что даже из трубочки с мороженым вылетела бы шрапнель.

И при каждом спазме карающей руки на рукояти несчастный надзиратель бодро клочет лбом навстречу. Всем существом он жаждет умереть скорой и позорной смертью и спасти спектакль.

Потому что что делать – никто не знает. Конец всему. Это ужас. Это кошмар! Это Дворец Съездов!!! это Кремль, твою мать! и это прямая трансляция по Первому Всесоюзному каналу. Это: партийный выговор; увольнение из театра; суд с выяснением причин диверсии; это срок всему руководству театра.

И страна заходится от наслаждения. Спектакль превзошел все ожидания.

Вникните в катастрофу. Ключевой момент сюжета. Этот выстрел пускает действие в следующий поворот. Если проклятый пистолет таки не выстрелит, партизан действительно придется повесить. А немцев расстрелять. И вся труппа отправится на Колыму за свой счет. Руководству же лучше дружно прыгнуть под поезд. Для собственного блага. Министр культуры товарищ Демичев, член Политбюро, по долгу службы лично инспектирующий это милитари-шоу, в правительственной ложе белеет от классовой ненависти. Маршал Ворошилов, первый красный офицер, руководивший всю войну всем партизанским движением, не удерживается от характерного жеста: чистить надо оружие, сукин сын!

Заметьте, на роли врагов часто брали актеров с умными лицами. Чтоб они драматичней осознавали глубину падения. А также додумывались до изощренных зверств. А рекомендуемый герой был чист и туп. От него требовалась твердость характера и верность партии. А думать только о светлом пути и выполнении предначертаний. Многодуманье же вело к оппортунизму, вредительству и к стенке.

Итак, на лице надзирателя плывет мысль, как рыба в аквариуме. Ерзая на коленях, он указывает сантехнику глазами огромный разводной ключ, забытый в левой руке. И кивает.

Сантехник вспыхивает неуверенно, как невеста. Облегченно улыбается! И кивает в ответ. Начинает рефлекторно менять руки: пистолет – в левую, а ключ – в правую.

И вздымает над головой эту дубину народной войны в слесарном исполнении.

И все это показывается самым крупным планом, *изблизки!* В деталях.

Сантехник потряхивает занесенной железякой и кивает надзирателю. Надзиратель кивает опасливо и склоняет голову как бы незаметно от самого себя. И рожи у них как у страусов, думающих, что их сунутых в песок голов никому не видно.

И – с на-лѐ-та, с по-во-рота, сантехник с размаху хреначит его огромным железным разводилом по балде – н-на!

Вскрик в зале.

Надзиратель смертельно ахает и скулит оборванно, как раненый заяц, которого душат. Хватается за то место, где была голова. Валится набок и, угасая, сучит ногами.

Публика, однако, аплодирует такой психологической сцене, этому поединку интеллектов. И одобрительным смехом выражает свое отношение к героической пьесе.

Сияющий сантехник отмыкает камеру, торжествуя. Звенит ключами, как звонарь на пасху:

– Выходите, товарищи, вы свободны!

Освобожденные партизаны суетливо обнимаются друг с другом и с сантехником, выкрикивают военно-патриотические лозунги и вприсядку бегут в конец тюремного коридора, прочь за кулисы, в партизанский лес.

Вдруг из маминой из спальни кривоногий и хромой выбегает из какой-то кельи герр офицер в фуражке с высокой тульей. На лице у него безумие, в руке пистолет, и от растерянности движется он какой-то балетной прискокой.

Он прискакивает к камере и тычет пистолетом. А там сантехник жарко тискается с очередным беглым партизаном. Присоединяясь к беспорядку, офицер орет:

– Кто стрелял?!

Он выразителен, как глухой. Ибо в трезвом слухе и твердой памяти он бесповоротно знает, что никто не стрелял. Но он выучил роль. И теперь от страха не соображает ничего, кроме роли.

Зал награждает вопрос аплодисментом, ржанье перекачивается волной. Все ждут, как эти два идиота будут выходить из положения.

Один из партизан в ответ разводит руками. Офицер топает на него ногами, и партизан исполнительно убегает прочь по коридору.

Сантехник с пистолетом и разводным ключом разворачивается к офицеру. Офицер придает себе обреченную позу. Бесконечная немая сцена окрашена ожиданием смерти, причем всеобщей.

И тут видеорежиссер опять дает крупный план!

Сантехник поводит глазами на свой разводной ключ. Офицер поднимает бровь. Сантехник движет ртом матерно. Офицер кивает. Сантехник заносит ключ. Офицер вспоминает про свой парабеллум, направляет его в сторону и склоняет макушку под фуражечным сукном. Сантехник накачан адреналином, как баллон, он приподнимается на цыпочки и как теннисист, бьющий муху, срубает офицера!

Жертва искусства катится по сцене и скрючивается в форме эмбриона.

– О-й-й-ё-оо!.. – скрежещет и выпускает дух эмбрион.

И тут следом за офицером вылез охранник со шмайссером. В зале началась истерика. Крик «Гитлер капут!» был перебит криком: «Бей немцев!»

...На этом удовольствие для телезрителей было окончено. Упала заставка: «Технические помехи. Приносим вам свои извинения».

Так что сколько всего врагов перебил сантехник своим ключом, мы не узнали.

3. Кошка

Искусство режиссуры и мастерство актерских школ может быть подвержено принципиальному сомнению с разных точек зрения. Скажем: известно, что никакой, самый гениальный актер, не может переиграть самое примитивное животное, если это животное в данный момент вперлось на сцену. Даже когда в Минкусовском «Дон Кихоте» на сцену выводят запланированную в либретто лошадь, все внимание сразу переключается на нее. Похоже, среди этих балетных па и пачек зритель органичнее бы воспринял фанерную лошадь. Живая как-то нарушает стилистику условности балета. Она переступает копытами весомо, грубо, зримо. О навозе и думать страшно.

Итак, идет лирическая комедия о любви с элементами оперетты: от сердечного трепетания они иногда приплясывают и поют. В остальное время выясняют отношения, принимают позы и обсуждают совместное построение коммунизма на дальних стройках просторов Родины необъятной!..

А роман наших юных производственников завязывается на Юге, на черноморских пляжах, танцплощадках и бульварах Крыма, целиком и полностью советского. Скамейки, пальмы, набережная, и лазурное море на холщовом заднике.

И вот влюбленные сидят на скамейке, и спор о методах благоустройства целинных поселков на залежных землях сближает их настолько, что они обнимаются, и уста их готовы слиться в комсомольском поцелуе.

И тут на сцену выходит кошка. Она выходит из кулисы к залу и гуляет вдоль ramпы. Обычная кошка, дворово-полосатой масти, впусшив хвост трубой, с выражением жизненного довольства шествует через сцену.

(Здесь еще надо понимать, кому интересно, что кошки из ревнивого самолюбия имеют склонность демонстративно располагаться между людьми и объектом их внимания – так тщеславный прохожий лезет под объектив фотографа, закрывая звезду. Кошка утверждает себя как предмет, наиболее достойный вашего взгляда.)

Зал, естественно, рад переключиться с этой соцреалистической тягомотины на кошку. Молчание в полутьме меняет сонную тональность на оживленную. Кошка, греясь в лучах славы, выступает фасонисто. Она подходит к скамейке и начинает обнюхивать туфлю молодого человека.

Зал дружелюбно похмыкивает и похрюкивает. Речь влюбленного рассеянно прерывается. В любовном объяснении вспыхивают нервные ноты. Интимные подробности перестают интересовать зрителей. Кошка завершает парфюм-контроль носков кавалера и, озабоченно нюхая, ввинчивает голову девушке под юбку. Кавалер кратко пинает кошку, влепляя по голени подруге.

Шокированная актерским хамством кошка удаляется гордо, продолжая променады. Зал ведет симпатичное животное в благодарном взгляде. Все чувствуют освежение. Проснулись. Кошка их взбодрила. Тонизировала.

Догуляв до кулисы, кошка вдруг тормозит. Подняв голову, она туда смотрит и прислушивается. Затем начинает пятиться. Она явно передумала туда идти. Ее оттуда, похоже, манят, а она не хочет.

Кошка разворачивается и, как прима с задранном хвостом, идет обратно грациозным шагом. Все внимание ей, на идиотов-влюбленных уже глубоко плевать! Пьеса делается интересной.

Кошка возвращается к истекающим истомой романтикам, и они дрыгают ногами тихо, типа комары кусаются, а интим прерывать неохота. Отгоняют. Ведут диалог и сопят.

Кошка описывает дугу, не давая себя пнуть, и вспрыгивает на скамью. Чем окончательно завоевывает приз зрительских симпатий. В зале счастливо икают и пукают.

– Ки-ися!.. – умильно сюсюкает ребенок и взвизгивает.

Спектакль удался.

Кавалер, весь отвернувшийся в объятия возлюбленной, нюхом чувствует, что за спиной происходит что-то не то. Кошка смяла кульминационную сцену драмы, как бумажный фонарик.

Ну. Герой, сливаясь с подругой в высокоэстетичной отрешенной позе статуи Родена, клянется в любви к невесте, партии и государству. За его спиной уютная кошка житейски умывается. Мусолит лапку и трет мордочку. Задирает наотлет, как художественная гимнастка, заднюю лапу и вылизывает подхвостье. А над плечом юноши, щека к щеке, обьятая его страстью девушка бессильно взирает на этот мойдодыр. Вполне кретинская ситуация. Вся романтика кошке под хвост.

И по речам девушки, как она их с досадой произносит, совершенно понятно, что ни в какой целинный поселок она после отпуска не поедет, и ничего она его не любит, а замуж, возможно, выйдет просто для устройства жизни, а просто ей хотелось вечером на юге потрахаться, но сейчас она в нем уже разочаровалась. А про высокие чуйства все врет, сучка.

И как она заговорит, так кошка останавливает умывание и внимательно на нее смотрит круглым глазом правды. Сбивает кураж. А над ними незримый Станиславский реет призрачно крылами, как карающий ангел-террорист, и грозно гремит: «Не верю!..»

И ржанье прорывается в рядах, как рожь из дырявой торбы. Цинично, короче.

Выжав все из наведения чистоты, долгоиграющая кошка идет в гости – лезет к юноше на колени. Он приступил к решительному поцелую – руки заняты, рот занят! Коленом и локтем он спихивает гадину!

Девушка закрывает глазки, открывает губки и закидывает личико. Влюбленный печатает поцелуй, и кошка сползая впускает когти ему в ляжку. Он вскрикивает страстно, словно в оргазме от поцелуя! Зал уже рыдает и утирает слезы!

Приклеенный к поцелую кавалер перемещает ищущую руку с рельефа девушки на загривок кошки и широким дискоболовским замахом посылает ее далеко прочь, швыряя за спинку скамьи.

Зал лопается, как резинка, и грохочет с подвизгами и захлебом. За спинкой скамейки – парапет и нарисованное море.

Кошка, пущенная враждебной сильной рукой, улетает по параболе, растопырив четыре лапы и хвост и пытаясь не вращаться в воздухе. С тем исчезает далеко за парапетом в морских волнах. Канула в пучину. Все! Утопил к черту.

Зал без дыхания. Стонет и закатывается. Прижимает животы и машет ручками.

Действо на скамейке приостановилось. Переживают успех. Перепускают валы обвала. Овации браво и бис являют картину полного триумфа!

Нет. Не полного!

Не успели все настроиться к тому, что развлечение, как ни было оно прекрасно и долго, закончилось, и сейчас пьеса пойдет дальше своим чередом, – как – прошло секунд шесть:

Из морской пучины, с негодующим воплем, крутятся и переворачиваясь выше чаек и облаков, взлетает обратно кошка! По баллистической дуге она летит из глубин в небо и через парапет шлепается на скамейку обратно!

Зал умер! Потолок рухнул! Народ взревел, не веря своему счастью!

Там внизу под сценой сидел под люком театральный пожарный. Он сидел по долгу службы на стуле и дремал. Театральные пожарные – народ по преимуществу пьющий. Как, впрочем, и другие служители Мельпомены. И вот он уютно грезил о медали «За отвагу на пожаре» и диване с директорской секретаршей. И ему когтистое мохнатое – на лысину! шлеп! хват! Вскинувшись в ужасе, он отодрал гадскую тварь и злобно швырнул как можно дальше в обратном направлении, откуда прилетела. А потом уже проснулся.

Вот такой запуск ракеты с подводной лодки. Летучая кошка на радость летучим мышкам.

Вцепившись в скамейку и вздыбив шерсть, кошка негодующе заорала, вложив в оскорбленный вопль все свое отношение к этим хамам.

У зала уже наступил паралич дыхания. Только бессильные стоны.

При звуках кошкиного мява молодой человек затрясся, словно внутри него было дерево, выдираемое ураганом. Он вскочил с безумным лицом Евгения, подступающего с бензопилой к Медному Всаднику. Схватил несчастное животное за хвост и замахом из-за головы, как гранату в фашистов, швырнул за кулисы.

Кошка улетела, надрываясь, как сирена воздушной тревоги. За кулисами раздался стук, грюк, мат и звуки ловли. Зал лежал под креслами, дыша в спазмах, и ждал реанимацию.

...Когда влюбленные продолжили сцену, на них воззрились с изумлением. Как на уже забытую и лишнюю нагрузку к завершённому шедевру. И захлопали, вложив всю полноту чувств в ритмичную овацию, пока не дали занавес.

Членораздельно

Как нам выползти из той ситуации, в которую мы влетели?

Геннадий Селезнев

Такого никогда еще не было. И вот опять!

Виктор Черномырдин

Надо вылезать, надо вылезать! Я не знаю как, но у меня есть план...

Михаил Горбачев

Стабилизации в экономике нет. Есть стабилизец.

Борис Немцов

Я думаю, что самое страшное в этом кризисе то, что даже когда он закончится, люди все равно будут хотеть кушать.

Андрей Макаров

А мне и думать не надо. Я убежден, что специально чем хуже – тем лучше.

Виктор Черномырдин

В общем, у него сегодня при разговоре уже мысли прямо так и льются из него.

Борис Ельцин

Ну, повесим мы Чубайса, а что дальше?

Александр Лебедь

Вы за страну или за народ?

Виктор Геращенко

Наш народ миролюбив и незлобив. Восемьсот лет провел в боях и походах.

Геннадий Зюганов

Нигде не сказано, что надо делать во время исполнения гимна – стоять, лежать или ползти. Надо Родину любить!

Владимир Жириновский

Не нужно поднимать народ с колен. Пусть он себе ползает – но с толстыми карманами.

Владимир Брынцалов

Мы категорически против того, чтобы продукт жизнедеятельности народов принадлежал узкой банде банкиров.

Виктор Анпилов

Мы будем честно говорить о том, что у нас не получается, а что получается, мы будем теперь говорить правду.

Виктор Черномырдин

Коней на переправе не меняют, а ослов можно и нужно менять.

Александр Лебедь

Что касается будущих выборов, я еще от тех не отошел – меня подташнивает.

Виктор Черномырдин

Я говорил не «скинуть режим», а «скинуть ярмо режима». Чувствуете разницу?

Лев Рохлин

Они или будут работать со мной до конца, или отправятся в тюрьму.

Шамиль Басаев

То, что я делаю, я делаю это сознательно, открыто, и при этом делаю не потому, что моя правая или левая рука, я делаю, я возглавляю правительство, и делаю это на правительстве.

Виктор Черномырдин

Мы здесь бордель, который в государстве имеется, допускать не будем.

Юрий Лужков

Почему проститутки толпятся в самом центре? Разве нет других мест?

Анатолий Куликов

Пятьдесят наименований микроэлементов в одной корове при ежесуточном кормлении. Вот поэтому она и дает.

Борис Ельцин

Страна у нас – хватит ей вприпрыжку заниматься прыганьем.

Виктор Черномырдин

Вся реклама – враждебная во всех отношениях: обман! Кариес! Ничего не спасет – все эти зубные пасты: как был кариес – так и будет! И перхоть в голове будет постоянно – никакой шампунь, ничего не поможет!

Владимир Жириновский

Это как, знаете, рояль или топор в кустах.

Геннадий Селезнев

Мы столько сегодня напринимали каждый в своей стране, что за что бы мы ни взялись, везде есть препятствия.

Виктор Черномырдин

Я за то, чтобы брать деньги везде, где только можно. Брать, брать!

Владимир Жириновский

Я далек от того, что сегодня нет замечаний, что сегодня нет проблем. Я, может быть, их бы больше сегодня сказал. Я еще раз просто одно: давайте говорить на нормальном языке!

Виктор Черномырдин

В сторону искусства

Романс о влюбленных

С Гимном Сергея Михалкова страна прошла большой и славный путь от Сталина до Медведева, и этот беспорядочный полет в непредсказуемое завтра отнюдь не завершен. Светлый, ликующий, нелегкий, победоносный. Промежуточные эпохи Хрущева, Брежнева, Горбачева и Путина подвешены на его сквозную мелодию, как старые одежды на бельевую веревку вдоль чердака Истории. И хрен в конце тоннеля явственно различим в громе и пении труб и литавр. Человек, писавший Гимн семьдесят лет для всех режимов, неизбежно заслуживает много и разного.

Когда-то молва приписала блестящему мастеру эпиграмм Валентину Гафту ехидные строки:

Земля! Ты ощущаешь страшный зуд?
Три Михалкова по тебе ползут!

Неправда. Михалков никогда не ползал. Он держался во весь свой гордый аристократический рост. Правда, в советское время никто не слышал, что он принадлежит к старой аристократии, а не к пролетариату. У рыцарей НКВД были чуткие уши, длинные руки и тонкий нюх на такие вещи.

Согласитесь, что когда Герой Социалистического Труда, член Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза и автор Государственного Гимна СССР оказывается не то постельничим, не то сокольничим, не то околоточным Ивана Грозного – можно верить в любую легенду.

Первая гласила, что в далекие тридцатые годы в кабинет главного редактора «Правды» Мехлиса нахально вошел, оттеснив секретаршу, длинный и тонкий, как флагшток, молодой человек, шлепнул на стол перед ним листок и велел:

– Читайте!

Мехлиса Льва Захаровича, гадюку большой гнусности, уже тогда боялись. Мехлис приподнял кувшинное рыло и с мелким интересом глянул на жертву. Время учило осторожности.

В юном петушином теноре, развязном и напряженном, дребезжало... что-то от грозного слогана «Слово и дело государевы!» Мехлис на секунду отложил матюги и, не предлагая дурному посетителю сесть, надел очки. На листке был так себе стишок, типа колыбельной, не имеющий никакого отношения к главной газете государства.

Ты не спишь.
Подушка смята.
Одеяло на весу.
Носит ветер запах мяты,
Звезды падают в росу.

– Это вы завтра напечатаете, – с невообразимой наглостью заявил городской сумасшедший.

– Вон, – негромко произнес Мехлис, зарываясь в гранки, разложенные по огромному редакторскому столу, обставленному чернильницами, телефонами и бюстами вождей. Редакторская практика дает навыки обращения с графоманами типа сдувания комаров.

– Рекомендую прочесть до конца, – посоветовал посетитель, и было что-то в его интонации сейчас от совета ознакомиться с ордером на арест.

Обладая партийными качествами хладнокровия и бдительности, Мехлис скосил глаза:

Я тебя будить не стану.
Ты до утренней зари
В темной комнате, Светлана,
Сны веселые смотри.

После чего вернулся к работе и, вдруг вспомнив о присутствии в кабинете кого-то постороннего, сделал ладонью жест, отгоняющий воробья от крошек.

– А вы знаете, какой Светлане это посвящено? – негромко и с этой мерзкой скрытой уверенной угрозой спросил молодой человек.

Красный карандаш Мехлиса споткнулся на запятой.

– Вы случайно не помните, у какой Светланы завтра день рождения? – продолжал интервьюроваться посетитель.

В Мехлисе включился процесс мышления, начавшийся похолодением организма от пяток и выше до самого мозга. В охлажденном мозгу взбился редакторский коктейль из страха, бешенства и облегчения. Юный негодяй!!!!..

Назавтра был день рождения дочери Сталина Светланы.

Юноша Сергей Михалков выходил из редакции с гонораром в кармане, выписанным по высшей ставке.

Стихотворение было опубликовано на первой полосе четырнадцатым кеглем.

Бескрайний воинский стан советских поэтов, акынов и трубадуров покачнулся от зависти к наглому удачливому пацану.

Товарищ Сталин обратил свое благосклонное внимание на талантливого молодого поэта, правильно понимающего политический момент. И не то, чтобы сразу после того или исключительно вследствие того, но однако вскоре именно ему доверил написание Государственного Гимна.

Вот после этого, согласно второй легенде, – раздув зоб, набитый денежными знаками, Михалков спускался на лифте издательства «Советский писатель». И в кабине с ним пара подданных поэтов, аж вибрируя от корпоративных чувств и бессильно зондируя его глумливыми взглядами, заметили издевательски:

– А текстик-то вы, кстати, говно написали, Сергей Владимирович!

На что наш новосел Олимпа любезно предупредил:

– Говно не говно, но слушать будете стоя, молодые люди.

Количество миллионов книжки «Дядя Степа» не вмещается в рамки четырех действий арифметики. Пьеса «Зайка-зазнайка» вознесла популярность грызунов среди детей дошкольного возраста на третье место в рейтинге после Сталина и Ленина. (Ее рефрен: «Сядешь, посидишь» тихо ужасал взрослых...) Тиражи Детлита планировали астрономы с коммунистическим мировоззрением.

Лауреат и кавалер всего, что дорого стоит и ярко блестит, член чего надо и официальный советский миллионер, Михалков жил счастливо на зависть окружающим и, кроме прочего, вырастил двух прекрасных сыновей.

Н-ну-с. Когда сыновья подрастают, государство вдруг спохватывается о любви и внимании к детям и судорожно начинает заботиться – гребет в армию. Отец-командир, родина-мать! Непривыкшие к такой заботе сыновья упираются рогом и всеми четырьмя отросшими конечностями. Но систему военкоматов в Советской России недаром организовал еще враг народа товарищ Троцкий. При нем за уклонение просто расстреливали.

А любимый сын Никита, талантливый мальчик, обаятельный, рослый, красивый, умница, уже прославился на всю страну, задорно напевая с экранов: «А я – иду – шагаю – по Москве!» в одноименном кинофильме. И дошагал до стрелки с указателем «Военкомат». Потому что институт кинематографии окончен, а военной кафедры в нем нет. Пожалуйте бриться.

Запах непобедимой и легендарной заставляет хмуриться не только врагов. Сергей Михалков ничем не отличался от других заботливых родителей. Он растил ребенка не для заклания военному богу с его идиотскими порядками и бессмысленной беспрекословностью. Он тоже лелеял мечты, и ни одна из них не маршировала в сапогах и не драила сортиры. На тех заоблачных вершинах, где он обитал, сами в армиях не служили; и лишь редкий маршал долетал до середины рая, по пути обтесавшись до полной придворной безвредности.

Что делает озабоченный родитель? Наводит контакт с райвоенкомом. Пытается решать вопрос доступными средствами.

И вот михалковский секретарь производит предупредительный выстрел, в смысле звонков:

– Сейчас с вами будет говорить член ЦК КПСС и отъявленный Герой, супер-дупер знаменитый поэт и автор Государственного!!! Гимна!!! Сергей!!! Владимирович!!! Михалков!!! (ура! ура! ура-ра!) Вы можете ответить? (не описались еще от почтения?)

– Эк! Как? Ик! – говорит подполковник.

И Михалков, сквозь солнце и облака, со своим таким человеческим не то грассированием, не то заиканием, запросто так приветствует:

– Здравствуйте, мол, товарищ подполковник, как поживаете, Виктор Игнатьевич?

Теперь представьте себе чувства райвоенкома. Это в заброшенном гарнизоне подполковник человек. А в Москве подполковник – это типа в углу слегка нагажено. Тут ниже генеральского уровня только лужи на асфальте.

Подполковник легко подавляет желание встать, но выпрямление спины и задиране подбородка происходят помимо сознания.

– Так точно, товарищ Михалков! Очень рад, можно сказать, вернее счастлив. Слушаю вас внимательно! Какой вопрос, проблема?

Сколько звонков принимают военкомы – и хоть бы кто поинтересовался их здоровьем или предложил обсудить книжную новинку. Шкурный у нас народ.

Вот сын у меня есть, извещает Михалков. (Да уж понимаем, что не дочь.) Институт кинематографии окончил. Кино видели, наверное, – «Я шагаю по Москве»? Талантливый парень. Я знал, что вы меня поймете. Да-да-да, устройте, пожалуйста, как это в таких случаях. Конечно законно, официально. Медицинская комиссия может комиссовать по здоровью. Простите, если я неправильно выражаюсь, недостаточно знаком, к сожалению. Полностью негоден. Белый билет. Не так? Не важно. Да. Уж будьте любезны.

Понимаю! – заверяет военком. – Так точно! Ваша просьба для нас закон... в смысле честь... в смысле какая радость... Пусть только придет! Очень приятно. Спасибо, что обратились. Всегда. Не мечтал. А как же! Никаких трудностей. Даже не верится, что лично вы сами. Вырос на «Дяде Степе». Честь имею.

Ну. Кто такой подполковник, даже если он честь имеет (что врет цинично). И кто такой член ЦК и лауреат на хрен всего Ленинского и Сталинского? Союз нерушимый республик свободных!!! Твою мать!!! Рассказать – не поверят.

И взбодренный до эйфории подполковник велит соединить его с председателем комиссии, и вызывает к себе начальника по допризыву, и спускает указание призывника Михалкова Никиту Сергеевича, 1945 года рождения, облизывать беспощадно! И диагностировать у него со всей достоверностью плоскостопие, близорукость, язву желудка и рассеянный склероз.

– Пиши больше! – приказывает военком.

– Мы ему еще гипертонию и олигофрению напишем, – щедро предлагает доктор. – Хотите ревмокардит?

Короче, в Никитину медицинскую карту вклеили вкладыш. Поэма экстаза разрослась в гибель цивилизации. Согласно этому предсмертному эпикризу армия должна была треть бюджета выплачивать на лечение Михалкову в его сочтенные предсмертные дни. И заставлять такого человека слезать со смертного одра, чтобы он умер по дороге в военкомат – это просто зверство.

В это самое время рослый спортивный мальчик Никита отметелил каких-то хулиганов до потери здоровья, и легкомысленно высказался в том духе, что армейский подход к проблемам не так уж плох. И папа ощутил возобновление некоторого беспокойства. А ну как что не сработает?.. Молодость опрометчива!.. Собственно, что это за уровень – районный военкомат? Что они решают, мелочь пузатая...

Он смотрит на телефон то ласково, то начальственно, и кружит по кабинету, как торпеда с циркулярным захватом цели. Твердую рукой хватает трубку за горло и извещает о себе горвоенкома лично.

Это уже генерал. Это уже что-то приличное. От этого человека уже что-то реально зависит.

Здравствуйте, говорит, товарищ генерал. Это вас беспокоит член ЦК, лауреат Сталинской премии I степени и Ленинской, кстати, тоже, автор Государственного Гимна – не слышали? Я так и думал, – Сергей Владимирович Михалков.

В генеральских выражениях горвоенком отвечает любезно, что рад до невозможности, всю жизнь мечтал. Какими судьбами, чему обязан? Не хотите ли в армии послужить, может быть?

Михалков сокрушается, что в армию не успел по возрасту, теперь бьется головой от горя – слышите стук? пришлось вот тянуть лямку куда тяжелей, на идеологическом фронте поэзии Партия доверила. Можно сказать, весь ваш личный состав Вооруженных Сил воспитан на моих стихах.

Генерала подмывает врубить, что личный состав – дерьмо, но сдерживается. Залог карьеры – не ввязываться в дискуссии.

А Михалков доверительно излагает отредактированную характеристику сына. Генеалогическое древо аж трещит под грузом добродетелей, как яблоня, разродившаяся урожаем золотых гирь. Глянец, румянец, и нимбы катаются по детской лужайке бессмертия.

Генерал уже чувствует, что такого призывника можно использовать только в двух качествах. Или покрыть бронзой и поставить на мраморный постамент в холле Министерства Обороны – или на выходные вручать как переходящий приз победительницам Всесоюзного женского соревнования.

– Преподаватели единогласно самый талантливый студент на курсе, – ненавязчиво курлычет во все щели Михалков. – Юность, такое драгоценное время, ах мы помним скоротечное, полон творческих замыслов, все просто в восторге! Если бы не это он, да разве бы я?.. Патриотизм. Польза Родине. Искусство принадлежит народу, а народ и армия едины! Вы согласны?

Генерал дает гарантию, что такой солдат в нашей армии неуместен. И сопит в трубку с ненавистью. При Хозяине эти шутки не проходили. У Сталина самого оба сына воевали, один погиб в плену; и под ним – у Хрущева сын погиб на фронте, у Долорес Ибаррури погиб, Тимур Фрунзе, да кого ни возьми; а уж про посаженных и расстрелянных мы не говорим. А нынче, понимаешь, развели кумовство. Все своих недорослей драгоценных суют в МИМО, а там во Внешторг за границу или еще куда. У него у самого сын в МИДе пристроен.

– Я мог бы на вас рассчитывать? – с мужской ласковостью журчит Михалков. – Как отец на отца. Вы обяжете меня, неоценимо, буквально пожизненно. Рад буду, в свою очередь, оказать вам любую ответную услугу, товарищ генерал. Долг платежом красен, хе-хе!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.